

Дик Фрэнсис
Бойня
Серия «Кит Филдинг», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121504
Дик Фрэнсис. Бойня: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81876-1

Аннотация

Принцессу Касилию де Бреску и ее мужа с помощью угроз пытаются заставить принять решение, абсолютно невыносимое для этих принципиальных и уважаемых людей. Кит Филдинг, жокей принцессы и незаурядный детектив, оказывается непосредственным участником событий, драматическая пружина которых закручивается все туже: совершено покушение на племянника Касилии, одна за другой гибнут ее лучшие лошади, да и жизни самого Филдинга угрожает смертельная опасность. Удастся ли ему остановить эту кровавую бойню?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дик Фрэнсис Бойня

Даниэль и Холли, родившимся после выхода книги «Напролом»

Dick Francis
BOLT

Copyright © 1986 by Dick Francis

© Хромова А. С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Февраль снаружи, февраль внутри. Настроение под стать погоде: сыро, пасмурно, близко к нулю. Я шел от весовой к паддоку ипподрома в Ньюбери, стараясь не разыскивать взглядом лица, которого здесь нет и быть не может, знакомого до мельчайшей черточки лица. Даниэль де Бреску. Мы с ней были официально помолвлены – бриллиантовое кольцо и все такое.

Когда я просил ее руки и получил согласие, тогда, в ноябре, это было радостной неожиданностью. Это пробудило меня, взволновало, сделало счастливым... Но сохранить ее сейчас, во время предвесенних заморозков, оказалось не так-то просто. Моя темноволосая возлюбленная, похоже, решила обратить свои взоры от простого жокея-стиплера (то есть меня) на более почтенного, более богатого и более утонченного джентльмена благородных кровей (он был принцем), который к тому же имел наглость быть красавцем.

Я старался выглядеть невозмутимым, но все мое горе и разочарование проявлялись в скачках. Я брал препятствия очертя голову, принимая опасность как наркотик, который должен заглушить боль. Неразумно, конечно, заниматься опасной работой, когда мысли твои витают где-то вдалеке, но транквилизаторы бывают разные.

В паддоке, как обычно, ждала принцесса Касилия. Даниэль, племянницы ее мужа, на этот раз рядом не было. Принцесса смотрела, как выводят ее скакуна, Каскада. Я подошел, пожал протянутую мне руку и слегка поклонился в знак почтения.

– Холодный сегодня день, – сказала она в качестве приветствия. Говорила она чисто – лишь слабый акцент напоминал о том, что принцесса не англичанка.

– Да, холодно, – согласился я.

Даниэль не пришла. Ну да, конечно. Глупо было надеяться. Она весело сообщила по телефону, что на эти выходные не приедет: она с принцем и его друзьями уезжает на сказочное флорентийское собрание в отель в Озерной области. Там будут лекции по итальянскому Возрождению, которые читает хранитель коллекции итальянской живописи Лувра, и все такое в том же духе. Такая замечательная, уникальная возможность, она уверена, что я ее понимаю...

Вот уже третьи выходные подряд она была уверена, что я понимаю...

Принцесса, как всегда, выглядела великолепно: стройная и исключительно женственная. Она куталась в мягкую соболью шубку, ниспадающую с узких плеч. Обычно она ходила с непокрытой головой, укладывая темные прямые волосы в высокую прическу, но сейчас надела высокую меховую шапку в русском стиле. Я мимоходом подумал, что немногие смогли бы носить ее с большим изяществом. Я ездил на лошадях Касилии уже больше десяти лет и хорошо знал костюмы, в каких принцесса появлялась на скачках. Эта шапка была новой.

Она заметила, на что направлен мой взгляд, увидела мое восхищение, но сказала только:

– Как вы думаете, Каскаду не холодно?

– Ничего, быстрее скакать будет, – ответил я.

Если я ничего не скажу насчет отсутствия Даниэль, сама она об этом не упомянет. Всегда сдержанная, принцесса скрывала свои мысли за длинными ресницами и цеплялась за светские манеры, используя их как щит против самых страшных атак внешнего мира. Я знал ее достаточно долго, чтобы научиться ценить столь обдуманное поведение. Она могла умирить бурю с помощью любезности, успокоить гром невозмутимой светской болтовней и обезоружить самого задиристого противника тем, что ожидала от него приличного пове-

дения. Я знал, принцесса уверена, что я буду держать свое горе при себе, и ей будет очень неловко, если я заговорю об этом.

С другой стороны, она прекрасно понимала, в каком затруднительном положении я нахожусь. Мало того, что Даниэль была племянницей ее мужа, – Литси, тот принц, что сейчас развлекал Даниэль на этом сборище имени пятнадцатого века, приходился племянником ей самой.

Племянник принцессы, Литси, и Даниэль, племянница ее мужа, оба гостили в ее доме на Итон-сквер. Я предполагал, что они не расстанутся с завтрака до ужина – и с ужина до завтрака.

– Каковы наши шансы? – спросила принцесса ровным тоном.

– Довольно хорошие.

Она кивнула, исполненная приятных надежд на новую победу.

Каскад, несмотря на полное отсутствие мозгов, был преуспевающим победителем многих двухмильных стипль-чезов и в прошлом не раз оставлял позади всех своих соперников на этом самом ипподроме. Если повезет, он снова всех обойдет. Но никогда нельзя загадывать заранее, ни в скачках, ни в жизни...

Принц Литси – полное его имя в ярд длиной и, с моей точки зрения, совершенно непроницаемое – был образованным, культурным, обаятельным и доброжелательным космополитом. Он говорил на великолепном правильном английском, без малейшего акцента, свойственного его тетушке, что неудивительно: он родился, когда его августейшие дедушка с бабушкой уже были низложены, и большую часть детства провел в Англии.

Теперь он жил во Франции, но я за эти годы несколько раз встречался с ним, когда он приезжал навестить тетю и приходил с нею на скачки. Он мне по-своему нравился, а вообще я его почти не знал. Когда я услышал, что он приезжает в гости, я даже не подумал, какое впечатление он может произвести на блестящую американку, которая работает в информационном агентстве и тоскует по Леонардо да Винчи.

– Кит! – сказала принцесса.

Я оторвался от размышлений об Озерной области и сосредоточился на ее спокойном лице.

– Ну что ж, – сказал я, – одни скачки труднее, другие легче.

– Вы уж постарайтесь!

– Хорошо.

Наши встречи перед скачками со временем превратились в короткие спокойные интерлюдии, во время которых мы мало говорили, потому что понимали друг друга без слов. Большинство владельцев приходили в паддок в сопровождении своих тренеров, но Уайкем Харлоу, тренировавший лошадей принцессы, в последнее время перестал посещать скачки. Он постарел, и ему трудно было разъезжать туда-сюда, да еще зимой. Уайкему уже изменяла память, и колени у него дрожали, и все же то человеческое отношение к лошадям, которое с самого начала вывело его в ряды лучших тренеров, не изменяло ему. И он по-прежнему выпускал из своей конюшни на восемьдесят голов нескончаемую череду победителей, и я ездил на них, поминая Уайкема добрым словом.

Принцесса неумоимо появлялась на скачках в любую погоду. Она гордилась подвигами своих «приемных детей», обсуждала их будущее, вспоминала прошлое, заполняя свои дни делом, интерес к которому не угасал. За много лет у нас с нею сложились отношения официальные и в то же время достаточно тесные. Мы делили радость успеха и горечь поражения, легко понимали друг друга во всем, что касалось скачек – а в остальном наши жизни не пересекались.

Так было до прошлого ноября, когда Даниэль приехала из Америки, потому что ее прислали работать в Лондон, и очутилась у меня в постели. С тех пор Касилия видела во

мне будущего члена своей семьи и часто приглашала в гости, но наши отношения, особенно на скачках, остались прежними. Они сложились слишком давно и, похоже, устраивали нас обоих.

– Желаю удачи! – беспечно сказала она, когда пришло время садиться в седло. Мы с Каскадом легким галопом направились к старту. Он, видимо, разогревался, но, как обычно, ничего не сообщал мне о своих ощущениях. С некоторыми лошадьми мысленное общение может быть почти таким же внятным, как человеческая речь, но вороной, стройный, резвый Каскад постоянно пребывал в беспомощном молчании.

Скачка оказалась куда труднее, чем я думал: один из наших соперников за то время, что мы не встречались, стал значительно более опытным. Они с Каскадом шли голова в голову, и на поворотах он висел на нас, как репей. После последних четырех препятствий, на финишной прямой, он по-прежнему шел бок о бок с Каскадом: его жокей отжимал нас в сторону, хотя вся дорожка была свободна. Это была деморализующая тактика – этот жокей часто использовал ее против лошадей, которых считал опасными соперниками. Но я был не в том настроении, чтобы позволить ему или кому-то другому загонять меня в угол. В душе у меня кипела безжалостная ярость, я с трудом сдерживал рвущееся наружу отчаяние.

Я жестко вывел Каскада на последние препятствия и безжалостно погнал его на финишной прямой. Быть может, ему это не нравилось, но ведь он мне ничего не говорил.

Мы обошли противника на несколько дюймов. Каскад сделал несколько неверных шагов и остановился. Мне было немного стыдно. Я не радовался победе и, возвращаясь туда, где расседывали лошадей, испытывал не очищающее освобождение от напряжения, а только нарастающий страх, что моя лошадь вот-вот упадет мертвой от перенапряжения.

Каскад на трясущихся ногах прошел к месту победителя, чтобы принять похвалу, несомненно, им заслуженную. Принцесса подошла, чтобы поздравить его. Глаза у нее были слегка встревоженные. Результат фотофиниша был уже объявлен. Каскад действительно победил. Но принцесса, похоже, больше беспокоилась не о победе, а о том, какой ценой она досталась.

– Вы его не слишком гнали? – спросила она, когда я соскользнул на землю. – По-моему, вы перестарались, а, Кит?

Я похлопал Каскада по дымящейся шее. Рука сразу стала мокрой от пота. Многие лошади не выдержали бы такого напряжения – но Каскад выдержал.

– Он молодец, – сказал я. – Выложился полностью.

Принцесса смотрела, как я расстегнул подпруги и снял седло. Конь стоял не двигаясь, опустив голову от усталости, пока Дасти, путешествующий с ним главный конюх, накрывал его взмыленное тело теплой попоной, чтобы лошадь не простыла.

– Вам не надо ничего доказывать, Кит, – сказала принцесса очень отчетливо. – Ни мне, ни кому-то другому.

Я в это время забрасывал подпруги на седло. Услышав такое, я остановился и в изумлении воззрился на нее. Никогда еще я не слышал от нее ничего столь личного, никогда при мне она не высказывалась столь недвусмысленно. Наверно, мое горе отразилось у меня на лице слишком отчетливо...

Я медленно закончил собирать подпруги.

– Я, наверно, пойду взвешиваться... – сказал я.

Она кивнула.

– Спасибо, – добавил я.

Она снова кивнула и похлопала меня по руке знакомым жестом, выражавшим одновременно понимание и разрешение удалиться. Я повернулся, чтобы идти в весовую, и увидел, как к Каскаду решительно направляется один из распорядителей. Приближаясь, распорядитель пристально рассматривал коня. Распорядители всегда очень пристально рассматривают

лошадей, когда есть подозрение, что с лошастью обошлись жестоко, но в глазах данного конкретного распорядителя светилось нечто большее, чем просто забота о животном.

Я приостановился. Мне стало тоскливо. Принцесса проследила мой взгляд и снова заглянула мне в лицо. Я встретился с ней глазами и увидел, что она все понимает.

– Идите-идите, – сказала она. – Взвешивайтесь.

Я с благодарностью удалился, оставив ее разбираться с человеком, который, наверное, больше всего на свете хотел, чтобы меня лишили жокейской лицензии.

А возможно, и самой жизни.

Мейнард Аллардек, бывший сегодня распорядителем на скачках в Ньюбери (о чем я временно забыл), имел множество причин, важных и не очень, ненавидеть меня, Кита Филдинга.

Наиболее важные причины были иррациональны, и потому бороться с ними было практически невозможно. Они произрастали из кровной вражды между нашими семьями, насчитывавшей более трех веков. Эта вражда породила немало кровавых деяний. Филдинги не раз убивали Аллардеков, а Аллардеки – Филдингов. Нам с моей сестрой-близнецом Холли дедушка с самого рождения внушал, что все Аллардеки бесчестны, трусливы, подлы и вообще достойны всяческого презрения. Мы, вероятно, всю жизнь так и пребывали бы в этом убеждении, если бы Холли, вопреки всей этой вражде Монтекки и Капулетти, не угодило влюбиться в одного из Аллардеков и выйти за него замуж.

Бобби Аллардек, ее муж, вопреки всему не был ни бесчестен, ни труслив, ни подл. Это был очень приятный и доброжелательный человек, работавший тренером лошадей в Ньюмаркете. Благодаря этому браку нам с Бобби наконец удалось положить конец вековой вражде в нашем поколении. Но отец Бобби, Мейнард Аллардек, по-прежнему цеплялся за прошлое.

Мейнард так и не простил Бобби этого «предательства». Вместо того чтобы смириться с решением сына, старик лишь укрепился во мнении, что все Филдинги – а мы с Холли в особенности – воры, мерзавцы, вероломные и жестокие. К моей тихой и безобидной сестрице Холли все это явно не относилось, но Мейнард видел всех Филдингов исключительно в черном свете.

Холли мне рассказывала, что, когда Бобби сообщил отцу (дело было у них на кухне), что Холли беременна и что его внук волей-неволей будет носить в себе гены и кровь как Аллардеков, так и Филдингов, Холли показалось, что Мейнард вот-вот задушит ее. Он уже буквально тянулся к ее горлу – но вдруг отвернулся, и его стошнило в раковину. Холли это так потрясло! И Бобби поклялся, что ноги его отца больше не будет в их доме.

Мейнард Аллардек был членом Жокейского клуба и использовал все свое обаяние, чтобы занять самый высокий руководящий пост, какого он только мог достичь. Он уже был распорядителем на нескольких крупных скачках и теперь стремился пробиться в триумvirат – троицу главных распорядителей Жокейского клуба, из которых раз в три года избирается старший распорядитель.

Для Филдинга, работающего жокеем, избрание Аллардека на пост, предоставляющий последнему практически неограниченную власть над любым жокеем, означало бы катастрофу. Отсюда проистекали более понятные причины ненависти Мейнарда ко мне: по ряду обстоятельств Мейнард не мог погубить мою карьеру, жизнь или репутацию, не погубив при этом самого себя. Об этом знали я, он и еще несколько человек – достаточно, чтобы во всем, имеющем отношение к скачкам, Мейнард был вынужден обращаться со мной достаточно честно.

Но если он сумеет доказать, что я действительно жестоко обошелся с Каскадом, это позволит ему на совершенно законном основании лишить меня лицензии. Что он и сделает с

превеликой радостью. В разгар скачки, охваченный вышедшими из-под контроля эмоциями, я просто не подумал о том, что он следит за мной с трибун.

Я вошел в весовую, сел на весы, потом вернулся к двери и встал так, чтобы можно было видеть то, что происходило снаружи. Прячась в тени, я наблюдал, как Мейнард разговаривал с принцессой. Выражение лица принцессы было самое что ни на есть любезное. Они обошли вокруг дрожащего Каскада, который по-прежнему дымился, несмотря на холод. Мейнард приказал Дасти снять с лошади широкую попону.

Мейнард, как всегда, выглядел безупречным, достойным и важным джентльменом. Этот внешний облик весьма помогал ему как в делах – он сделал себе состояние за счет других людей, – так и в продвижении по социальной лестнице – он щедро жертвовал на благотворительность и никогда не упускал случая похвалить себя за это. Лишь сравнительно немногие люди, сумевшие разглядеть его низменную, грубую, жестокую душу, имели наглость оставаться равнодушными к его слащавой оболочке.

Из почтения к принцессе Мейнард снял шляпу и держал ее прижатой к груди. Его светлые седеющие волосы были скромно расчесаны на пробор. Он едва не извивался от желания угодить принцессе и в то же время очернить ее жокея. Я побаивался, что ему все же удастся убедить ее в том, что да, видимо, на этот раз Кит Филдинг действительно был жесток с ее лошастью...

Ну что ж... Рубцов на шкуре Каскада они не найдут: хлыстом я почти не пользовался. Соперник шел так близко, что когда я вскинул руку, то обнаружил, что буду подхлестывать не Каскада, а его лошадь. Мейнард наверняка видел, как я занес руку; но коня я гнал поводом, шенкелями и своей яростью. На душе Каскада – если у него таковая имелась – действительно могли остаться рубцы, но на шкуре они не проступят.

Я с большим облегчением увидел, как принцесса присоединилась к группе своих знакомых, а Дасти с видимым неодобрением снова накрыл Каскада попоной и приказал конюху, державшему коня под уздцы, отвести его в денник. Каскад шел, устало опустив голову, измотанный до последней степени. «Извини, дружок, – подумал я. – Извини. Это Литси во всем виноват».

Снимая с себя цвета принцессы и переодеваясь к следующей скачке, я с благодарностью думал, что она таки устояла перед доводами Мейнарда. Касилия знала о вражде между мною и Аллардеком, потому что Бобби однажды рассказал ей об этом, еще в ноябре, и она явно все запомнила, хотя никогда не упоминала об этом. Пожалуй, того, что я до полусмерти загнал ее лошадь, было недостаточно, чтобы она выдала меня моему врагу.

Во время следующей скачки я ни на миг не забывал о том, что мой враг следит за мной. Я проскакал свои две мили и пришел четвертым. После этого снова переоделся в цвета принцессы и вернулся на выводной круг для главного события дня: трехмильного стипль-чеза, который считался генеральной репетицией Большого национального.

Против обыкновения, принцесса не ждала меня в паддоке, и я некоторое время стоял в одиночестве, глядя, как конюх вываживает ее крепыша Котопакси. Как и многих из лошадей принцессы, его называли в честь горы, и этому коню его имя вполне подходило: крупный, сухопарый, мосластый, темно-гнедой, с серыми пятнами на крупе, похожими на грязный снег. Ему было восемь лет, он как раз достиг полного расцвета, и я поверил, что через месяц мне наконец-то удастся выиграть большую скачку.

Мне случалось выигрывать почти все скачки – кроме Большого национального. Там я приходил вторым, третьим, четвертым – но первым ни разу. Если повезет, Котопакси поможет мне нарушить эту печальную традицию.

Подошедший Дасти развеял мои приятные мечты.

– Где принцесса? – спросил он.

– Не знаю.

– Она бы не стала пропускать старину Пакси.

Невысокий, пожилой, с обветренным лицом и всегда подозрительный, он смотрел на меня обвиняюще, словно я что-то знаю и не желаю говорить.

Дасти зависел от меня по работе, как и я от него, но мы никогда не нравились друг другу. Он при каждом удобном случае старался мне напомнить, что, будь я хоть трижды чемпионом, выигрываю я лишь благодаря тяжелому труду конюхов – в том числе, разумеется, и его самого. Его поведение по отношению ко мне доходило временами до грубости, но он никогда не переступал черты, за которой начиналось неприкрытое хамство, и я это сносил, потому что он на самом деле был хорошим конюхом и насчет своих помощников был прав, и к тому же у меня все равно не было выбора. Поскольку Уайкем перестал ездить на скачки, забота о лошадях всецело возлагалась на Дасти, а забота о лошадях – это главное.

– Каскад еле ноги передвигает, – сказал Дасти, угрюмо глядя на меня.

– Он не хромает, – мягко заметил я.

– Он еще с месяц оправиться не сможет!

Я не ответил. Я огляделся, ища принцессу, но ее по-прежнему не было видно. Мне хотелось знать, что там наговорил ей Мейнард, но было похоже на то, что мне придется подождать. Странно, что она не пришла в паддок. Почти все владельцы лошадей любят выходить в паддок перед скачками, а принцесса появлялась там непременно. Более того, она особенно гордилась Котопакси и любила его больше всех. Она всю зиму рассуждала о его шансах на победу в Национальном.

Шли минуты. Жокеям подали сигнал садиться в седло, и Дасти, как обычно, ловко посадил меня. Я выехал на дорожку, надеясь, что ничего серьезного не случилось. По дороге к старту я успел взглянуть в сторону личной ложи принцессы, расположенной на самом верху трибун, ожидая увидеть ее там вместе со знакомыми.

Однако на балконе никого не было. Я впервые ощутил настоящую тревогу. Если бы ей пришлось внезапно уехать с ипподрома, она бы непременно предупредила меня. Не так уж трудно было меня найти: я все время стоял здесь, в паддоке. Хотя, конечно, сообщение могли и забыть передать. Вряд ли слова: «Скажите Киту Филдингу, что принцесса Касилия уехала домой» – сочтут информацией первостепенной важности.

Я подъехал к старту, думая, что со временем я все узнаю, и надеясь, что она не получила дурных вестей о своем болезненном и старом, прикованном к инвалидной коляске муже.

Котопакси в отличие от Каскада буквально завалил меня информацией – в основном о том, что он чувствует себя хорошо, что он не имеет ничего против холодной погоды, что он не участвовал в скачках с Рождества и рад снова очутиться на ипподроме. Январь был снежный, в начале февраля стояли морозы – а такие страстные поклонники скачек, как Котопакси, не любят подолгу застаиваться в конюшне.

Уайкем – в отличие от большинства газет – не ожидал, что Котопакси одержит победу в Ньюбери.

– Он еще не готов, – сказал он мне по телефону накануне вечером. – Он наберет форму только к самому Большому национальному. Приглядывай за ним, Кит, ладно?

Я пообещал, что буду приглядывать за ним, ну а теперь, после Каскада, собирался исполнить это обещание как можно тщательнее. Остерегаться Мейнарда Аллардека и послать к черту этого принца Литси. Мы с Котопакси прошли дистанцию осмотрительно, собранно, аккуратно подходя к каждому препятствию, чисто взяли их все одно за другим, радуясь своей ювелирной работе и не тратя лишнего времени. Я достаточно размахивал хлыстом, чтобы создать иллюзию, что мы полностью выложились на финише, и пришел третьим – неплохо, обнадеживающе близко к выигрышу. Хорошая тренировка для Котопакси, залог будущего успеха для Уайкема, радостное предвкушение для принцессы.

Во время скачки в ложе ее не было. Не появилась она и там, где расседлывают лошадей. Дасти бормотал что-то невнятное по поводу ее отсутствия. Я поспрашивал в весовой, не просила ли она мне что передать, но безрезультатно. Я снова переоделся к пятой скачке, а потом сменил жокейский костюм на обыкновенный и решился все же зайти в ее ложу, как делал каждый раз по окончании скачек, спросить у официантки, которая там прислуживала, не знает ли она чего-нибудь.

Принцесса имела собственные ложи на нескольких ипподромах, и все они были отделаны одинаково – в кремовых, кофейных и персиковых тонах. В каждой были обеденный стол и стулья, чтобы можно было перекусить, а за ними – стеклянная дверь, ведущая на балкон. Она регулярно принимала там знакомых, но сегодня ни ее, ни знакомых не было видно.

Я коротко постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, повернул ручку и вошел.

Стол, как обычно после ленча, был отодвинут к стене, чтобы освободить место, и на нем было расставлено все, что требуется к чаю: маленькие сэндвичи, пирожные, чашки с блюдами, спиртное, коробки с сигарами. В тот день все это было не тронуто, и в комнате не было официантки, которая разливала чай и всякий раз с улыбкой спрашивала, класть ли мне лимон.

Я подумал, что в ложе никого нет, но ошибся.

Принцесса была здесь.

Она сидела на стуле. А рядом с ней молча стоял человек, которого я не знал. Он не был похож на одного из ее знакомых. Немногом старше меня, стройный, темноволосый, с твердым профилем и решительным подбородком.

– Принцесса... – начал я, войдя в комнату.

Она повернула голову в мою сторону. На ней все еще была соболья шубка и русская шапка, хотя обычно она снимала уличную одежду, когда входила в ложу. Она смотрела на меня невидящим взглядом. Глаза у нее были пустые и остекленевшие.

«Шок», – подумал я.

– Принцесса! – встревоженно повторил я.

Тут заговорил незнакомец. Голос у него был под стать профилю и подбородку: решительный, уверенный, полный внутренней силы.

– Убирайтесь! – сказал мужчина.

Глава 2

И я убрался.

Я не собирался влезать без приглашения в личные дела принцессы. Это чувство оставалось со мной до тех пор, пока я не спустился вниз.

Но к тому времени, как я вышел на улицу, я уже пожалел, что удалился так поспешно, даже не спросив, не могу ли я чем-нибудь помочь. Слишком уж настойчивым был безапелляционный тон незнакомца. Поначалу я решил, что он всего лишь защищает принцессу, но теперь, оглядываясь назад, я не был так уверен в этом.

Я подумал, что, если подожду, когда она спустится вниз, хуже не будет. Ведь спустится же она рано или поздно! Надо выяснить, как обстоит дело. Если незнакомец по-прежнему будет с ней, если он так же решительно отошлет меня, если она будет ожидать от него поддержки, тогда я по крайней мере дам ей знать, что в случае чего она может на меня рассчитывать.

Я прошел через ворота паддока к автостоянке. Шофер принцессы, Томас, как обычно, ждал ее в ее «Роллс-Ройсе».

Мы с Томасом почти каждый день встречались и здоровались на автостоянке. Томас, флегматичный лондонец, спокойно читал книжку, не обращая внимания на спортивные страсти, кипящие вокруг. Большой и надежный, он возил принцессу уже много лет и знал ее жизнь не хуже любого из членов ее семейства.

Он увидел меня и помахал рукой. Обычно вскоре после того, как я выходил из ложи принцессы, появлялась и она сама, так что мой приход был для Томаса сигналом заводить мотор.

Я подошел к нему, и Томас опустил стекло, чтобы поболтать.

– Ну что, она идет? – спросил он.

Я покачал головой.

– Там с ней какой-то человек... – Я сделал паузу. – Вы его не знаете? Довольно молодой, темноволосый, худощавый?

Томас поразмыслил и сказал, что не припомнит такого. А почему это меня тревожит?

– Она не смотрела последнюю скачку.

Томас резко выпрямился на сиденье.

– Такого не бывает!

– Не бывает. Но она ее не смотрела.

– Это плохо...

– Вот и я так думаю.

Я сказал Томасу, что вернусь посмотреть, все ли с ней в порядке, и оставил его таким же озабоченным, как я сам.

Кончилась последняя скачка, народ быстро расходился. Я встал в воротах, чтобы не разминуться с принцессой, и всматривался в лица проходящих. Многих я знал, многие знали меня. Я раз сто сказал «до свидания», но меховая шапка так и не появилась.

Толпа превратилась в тоненький ручеек, потом в отдельные группки по двое, по трое. Я медленно пошел в сторону трибун, нерешительно прикидывая, не стоит ли мне снова подняться в ложу.

Я был уже у самых дверей, когда принцесса вышла. Даже с двадцати футов я видел неестественный блеск ее глаз, и шла она так, словно не чуяла земли под ногами: высоко поднимала ноги и тяжело опускала их на землю.

Она была одна, а одной ей быть сейчас явно не стоило.

– Принцесса, – сказал я, подходя к ней, – позвольте я вам помогу!

Она посмотрела на меня невидящим взглядом и пошатнулась. Я крепко обхватил ее за талию, чего в обычных обстоятельствах никогда бы не сделал, и почувствовал, как она напряглась, словно отвергая помощь.

– Со мной все в порядке! – сказала она дрожащим голосом.

– Да? Ну, тогда обопритесь на мою руку.

Я выпустил ее талию и протянул ей руку. Она поколебалась, но все же оперлась на нее.

Лицо Касилии было бледным, и временами она вздрагивала всем телом. Я медленно повел ее к воротам и дальше, на стоянку, где ждал Томас. Он встревоженно переминался с ноги на ногу. Увидев нас, распахнул заднюю дверь.

– Спасибо, – сказала принцесса слабым голосом, садясь в машину. – Спасибо, Кит...

Принцесса опустила на заднее сиденье, уронив по дороге свою шапку, и с отсутствующим видом смотрела, как шапка покатилась по полу.

Она стянула перчатки и прижала руку ко лбу, прикрыв глаза.

– Кажется, я... – Она сглотнула. – Томас, нет ли у нас воды?

– Есть, мадам! – поспешно ответил он и бросился к багажнику достать маленький холодильник, который всегда возил с собой, чтобы любимые напитки принцессы – терновый джин, шампанское и шипучая минеральная вода – были под рукой.

Я стоял у открытой дверцы. Согласится ли принцесса принять мою помощь? Я прекрасно знал, как она горда, как умеет владеть собой и как она требовательна к себе. Она не потерпит, чтобы кто-то счел ее слабой.

Томас принес ей минеральной воды в стакане граненого стекла, где позвякивали льдинки. Она сделала два-три маленьких глотка и застыла, глядя в никуда.

– Принцесса, – неуверенно начал я, – как вы думаете, не стоит ли мне поехать с вами в Лондон?

Она посмотрела на меня, и ее вроде как передернуло, так что льдинки в стакане снова зазвенели.

– Да, – сказала она с явным облегчением. – Мне нужен кто-нибудь, кто... – Она остановилась, не находя слов.

Кто-нибудь, кто не даст ей сорваться, понял я. Не жилетка, в которую можно поплакать, а, наоборот, причина, почему плакать нельзя.

Томас явно одобрил такой поворот событий. И как ни в чем не бывало спросил:

– А машина ваша как же?

– Она на жокейской стоянке. Отгоню ее к конюшням. Ничего ей там не сделается.

Он кивнул, и, выезжая с ипподрома, мы ненадолго остановились. Я перегнал свой «Мерседес» в надежное место и предупредил старшего конюха, что вернусь за ним позже. Принцесса, казалось, не замечала ничего, что происходит вокруг. Она по-прежнему неподвижно смотрела в никуда, погруженная в свои мысли. Лишь на полпути к Лондону она наконец пошевелилась и машинально протянула мне стакан с остатками минеральной воды, как бы в знак того, что собирается заговорить.

– Я побеспокоила вас...

– Да что вы!

– Я пережила большое потрясение, – осторожно продолжала она. – Я не могу объяснить... – Она остановилась, покачала головой и беспомощно развела руками. И все же мне показалось, что сейчас она не отказалась бы от моей помощи.

– Не могу ли я чем-нибудь помочь? – спросил я самым безличным тоном.

– Я не знаю, могу ли я вас просить...

– Можете, – грубовато отрезал я.

В ее глазах мелькнула была слабая улыбка, но тут же и угасла.

– Я подумала... – сказала она. – Когда мы вернемся в Лондон, не могли бы вы зайти к нам и подождать, пока я поговорю с мужем?

– Да, конечно!

– Но у вас есть время? Это, возможно, несколько часов...

– Сколько угодно, – хмуро заверил я. Даниэль уехала наслаждаться Леонардо да Винчи, а без нее время тянулось бесконечно. Я задавил в себе острый приступ тоски. Что за потрясение пережила принцесса? Похоже, к здоровью месье де Бреску это не имеет никакого отношения... Возможно, дело обстоит куда хуже.

Снаружи стало совсем темно. Мы снова ехали молча. Принцесса по-прежнему смотрела в никуда и вздыхала, а я соображал, куда деть стакан.

Томас, словно прочитав мои мысли, неожиданно сказал:

– Мистер Филдинг! Там в двери, под пепельницей, есть подставка для стаканов.

Я понял, что он увидел мои мучения в зеркало заднего обзора.

– Спасибо, Томас, – сказал я зеркалу и встретился с улыбающимся взглядом Томаса. – Очень любезно с вашей стороны.

Я вытащил из дверцы хромированное кольцо, похожее на держатель для стакана с зубными щетками, какие бывают в ванной, и поставил туда стакан. Принцесса сидела в забытьи, отдавшись своим неприятным видениям.

– Томас, – сказала она наконец, – узнайте, пожалуйста, не ушла ли еще миссис Дженкинс? Если она еще на месте, попросите ее передать мистеру Джеральду Гринингу, чтобы по возможности зашел к нам сегодня вечером, будьте так любезны.

– Хорошо, мадам, – ответил Томас и принялся нажимать на кнопки установленного в машине телефона, урывками поглядывая на них.

Миссис Дженкинс служила у принцессы и месье де Бреску секретаршей и помощницей по всем вопросам. Она была молода, недавно вышла замуж, и вид у нее был несколько заброшенный. Она работала только по рабочим дням и ровно в пять уходила домой. Я посмотрел на часы и увидел, что до пяти всего несколько минут. Томас явно поймал ее уже на пороге и передал сообщение, к удовлетворению принцессы. Она не сказала, кто такой Джеральд Грининг, и снова тихо погрузилась в свои мрачные раздумья.

К тому времени, как мы добрались до Итон-сквер, принцесса уже полностью пришла в себя физически – и духовно до некоторой степени тоже. Однако она по-прежнему выглядела бледной и напряженной и, выходя из машины, оперлась на сильную руку Томаса. Я выбрался на тротуар вслед за ней, и она некоторое время смотрела на нас с Томасом.

– Ну, – задумчиво сказала она наконец, – спасибо вам обоим...

У Томаса, как всегда, на лице было написано, что он готов не только возить ее на скачки, но и умереть ради нее, если понадобится. Пока же он просто подошел к парадной двери дома принцессы и отпер ее своим ключом.

Мы с ней вошли в дом, оставив Томаса отгонять машину в гараж. По широкой лестнице поднялись на второй этаж. На первом этаже большого старого дома находились кабинеты, комнаты для гостей, библиотека и малая столовая. Принцесса с мужем жили в основном наверху. На втором этаже находились гостиная, комната для отдыха и парадная столовая, а на третьем, четвертом и пятом – спальни. Прислуга жила в цокольном этаже. В доме был лифт, устроенный сравнительно недавно для месье де Бреску с его коляской.

– Подождите, пожалуйста, в той комнате, – сказала принцесса. – Напитки в баре. Если хотите чаю, позвоните Даусону...

С ее губ автоматически срывались светские фразы, но глаза по-прежнему смотрели сквозь меня, и вид у нее был усталый.

– Да-да, не беспокойтесь, – сказал я.

– Боюсь, я задержусь надолго...

– Ничего, я подожду.

Она кивнула и ушла по такой же широкой лестнице на третий этаж. У нее и ее мужа были там свои отдельные апартаменты, и Ролан де Бреску проводил там большую часть своего времени. Я никогда не бывал наверху, но, по словам Даниэль, комнаты де Бреску представляли собой нечто вроде небольшой больницы. Помимо его спальни и гостиной, там был еще физиотерапевтический кабинет и комната для санитара.

– А что с ним? – спросил я однажды.

– Какой-то жуткий вирус. Какой – точно не знаю, но не полиомиелит. Несколько лет назад, уже довольно давно, ему попросту отказали ноги. Они это не обсуждают, а спрашивать неудобно, ты ведь знаешь, какие они.

Я вошел в комнату для отдыха – это была знакомая территория, – позвонил Даусону, весьма величественному дворецкому, и спросил, можно ли мне выпить чаю.

– Разумеется, сэр, – с достоинством ответил дворецкий. – Принцесса Касилия с вами?

– Нет, она наверху, у месье де Бреску.

– А! – сказал он и повесил трубку. Через некоторое время он появился с небольшим серебряным подносом, на котором красовались чай и лимон, но не было ни молока, ни сахара, ни печенья.

– Удачный ли был день, сэр? – спросил он, опуская свою ношу на столик.

– Первое и третье место.

Он чуть заметно улыбнулся мне. Даусон был человеком лет шестидесяти, довольным своей работой и не стремящимся к большему.

– Весьма рад, сэр.

– Да.

Он кивнул и удалился. Я налил себе чаю и принялся прихлебывать его, стараясь не думать о тостах, намазанных маслом. За время февральских морозов я как-то ухитрился набрать целых три фунта, и поэтому мне приходилось энергичнее, чем обычно, сражаться с лишним весом.

Комната для отдыха, или малая гостиная, была очень уютная: занавески с цветочным узором, коврики, круги теплого света от ламп, – куда уютнее соседней парадной гостиной, обставленной во французском вкусе: сплошной атлас и позолота. Я включил телевизор, посмотрел новости, потом выключил его и подошел к книжному шкафу найти чего-нибудь почитать. Мельком подумал, зачем все же принцесса попросила меня подождать и что это за помощь, о которой она не решаетесь меня попросить.

Выбор чтения был небогатый: либо журнал об архитектуре в блестящей обложке, на французском языке, либо расписание международных авиарейсов. Я уже склонился ко второму, но тут на глаза мне попала лежащая на столике брошюрка. «Мастер-класс в изысканной обстановке». Это то, где проводит свои выходные Даниэль!

Я сел в кресло и прочел буклет от корки до корки. Там были фотографии: отеля – шикарно обставленного загородного дома, потрясающих видов озер и пустошей и жарко пылающего камина.

Программа открывается в пятницу, в шесть вечера (это значит, как раз сейчас...). Торжественное открытие, ужин, потом – сонаты Шопена в «золотой» гостиной.

Суббота – лекции «Мастера итальянского Возрождения», которые читает прославленный хранитель коллекции итальянской живописи Лувра. Утром – «Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль – шедевры из коллекции Лувра», после обеда – «Концерт Шампетр» Джорджоне и «Лаура Дьянти» Тициана – пятнадцатый век в Венеции».

Вечером в субботу – большой флорентийский банкет, творение знаменитого кулинара из Рима, а в воскресенье – экскурсии в расположенные в Озерной области дома Водсворта,

Рескина и (по желанию) Беатрис Поттер. И, наконец, чай у камина в Большом зале. После этого все разъезжаются.

Я нечасто сомневался в себе и в избранном мной образе жизни, но, когда я отложил брошюрку, мной овладело чувство собственной никчемности.

Я практически ничего не знал об итальянском Возрождении и даже не мог бы точно сказать, в каком веке жил Леонардо да Винчи. Я знал, что он написал «Мону Лизу» и чертил вертолеты и подводные лодки, – и это все. О Боттичелли, Джорджоне и Рафаэле я знал не больше. Если интересы Даниэль сосредоточены в основном в области искусства, захочет ли она вернуться к человеку со столь прозаической, низменной и неверной профессией, как моя? К человеку, который в детстве интересовался в основном биологией и химией и не желал поступать в колледж. К человеку, который ни за что бы не потащился на это сборище, куда она так рвалась.

Но я не собирался уступать ее ни давно умершим художникам, ни живому принцу!

Время шло. Я почитал расписание международных авиарейсов и обнаружил множество мест, о которых никогда даже не слышал. А люди каждый день летают туда и обратно... Слишком много на свете всего, о чем я даже не слышал.

В конце концов вскоре после восьми снова появился отутюженный Даусон, который пригласил меня наверх и проводил к незнакомой мне двери личной гостиной месье де Бреску.

– Мистер Филдинг, сэр! – объявил Даусон, и я прошел в комнату с великолепными золотыми занавесями, темно-зелеными стенами и темно-красными кожаными креслами.

Ролан де Бреску, как обычно, сидел в своей инвалидной коляске. С первого взгляда было заметно, что он потрясен не менее принцессы. У него всегда был болезненный вид, но сейчас он, казалось, был близок к обмороку. Бледная желтовато-серая кожа туго обтягивала скулы, запавшие глаза смотрели в пустоту. Когда-то он, должно быть, был хорош собой. Он и сейчас сохранил благородный профиль, великолепную седую шевелюру и природный аристократизм. Он, как всегда, был в темном костюме и при галстуке. Невзирая на старость и слабость, он оставался сам себе хозяином. Голова у него была в порядке. С тех пор, как мы с Даниэль заключили помолвку, я довольно часто виделся с ним. Он был неизменно учтив, но всегда держался отстраненно и сдержанно, как и принцесса.

– Входите! – сказал он. Его голос, всегда на удивление сильный, сейчас звучал хрипло. – Добрый вечер, Кит.

В его английском тоже чувствовалось слабое эхо французского акцента.

– Добрый вечер, месье. – Ему я тоже слегка поклонился – он не любил рукопожатий: они причиняли боль его исхудавшим рукам.

Принцесса, сидевшая в одном из кресел, устало приподняла руку в знак приветствия. Когда Даусон отступил назад и затворил дверь, она извиняющимся тоном сказала:

– Мы так долго заставили вас ждать...

– Ничего, вы же предупреждали.

Она кивнула.

– Мы хотим познакомить вас с мистером Гринингом.

Мистер Грининг, видимо, был человек, который стоял, прислонясь к зеленой стене, держа руки в карманах и покачиваясь на каблуках. На нем был вечерний пиджак с галстуком. Это был лысый человек с круглым брюшком, хорошо за пятьдесят. Он смерил меня блестящими пронизательными глазами. Определил мой возраст (тридцать один), рост (пять футов десять дюймов), костюм (серый пиджак, ничего особенного) и, видимо, мои доходы. Он явно привык с ходу оценивать людей и не верить им на слово.

– Жокей, – произнес он с безукоризненным произношением выпускника Итонского колледжа. – Сильный и отважный малый.

В его голосе звучала ирония, но я ничего против не имел. Чуть заметно улыбнулся, сопоставил очевидные признаки...

– Стряпчий, – предположил я. – Ловкий тип.

Он рассмеялся и отклеился от стены.

– Джеральд Грининг, – кивнул он. – Адвокат. Не будете ли вы так любезны засвидетельствовать кое-какие подписи на документах?

Я, само собой, согласился. Правда, удивился, что принцесса заставила меня просидеть здесь столько времени единственно ради этого, но возражать не стал. Джеральд Грининг взял с кофейного столика папку, перевернул первую страницу и протянул ручку Ролану де Бреску, чтобы тот расписался на второй.

Старик расписался дрожащим росчерком возле круглой красной печати.

– Теперь вы, мистер Филдинг.

Он передал мне папку и ручку, и я положил папку на левое предплечье и расписался там, где указал адвокат.

Я успел заметить, что весь двухстраничный документ был не напечатан, а написан от руки черными чернилами, ровным отчетливым почерком. Подписи Ролана де Бреску и моя были сделаны теми же черными чернилами. Джеральд Грининг тоже расписался и написал внизу свой адрес и род занятий тем же ровным почерком.

«Видно, дело спешное, – подумал я. – Завтра будет уже поздно».

– Вам не обязательно знать содержание документа, который вы подписали, – небрежно бросил мне Грининг, – но принцесса Касилия настаивает, чтобы я изложил вам суть дела.

– Садитесь, Кит, – сказала принцесса. – Это займет много времени.

Я уселся в одно из кожаных кресел и посмотрел на Ролана де Бреску. У него на лице отражалось сомнение, словно он думал, что рассказывать мне об этом бессмысленно. Я подумал, что он, конечно, прав. Но мне вдруг стало интересно.

– Коротко говоря, – сказал Грининг, по-прежнему стоя, – этот документ гласит, что, невзирая на какие бы то ни было предшествующие соглашения, месье де Бреску не может принимать никаких деловых решений без ведома, согласия и соответствующим образом заверенных подписей принцессы Касилии, принца Литси, – он назвал добрую половину его полного имени, – и мисс Даниэль де Бреску.

Я был, мягко говоря, озадачен. Если Ролан де Бреску пребывает в здравом уме и твердой памяти, зачем он отказывается от своей самостоятельности, да еще так поспешно?

– Это временная мера, – продолжал Джеральд Грининг. – Так сказать, временная дамба, которая должна сдерживать напор воды, пока мы не возведем капитальную плотину.

Похоже, сравнение ему очень нравилось. Он явно употреблял его не в первый раз.

– А в чем, собственно, состоит эта... мнэ-э... приливная волна? – осведомился я. Похоже, прилив был нешуточный, раз принцессу так выбило из колеи.

Джеральд Грининг прошелся взад-вперед, сцепив за спиной руки с зажатой в них папкой. «Беспокойный дух в беспокойном теле», – подумал я, вникая в подробности дел де Бреску, о которых ни сама принцесса, ни ее супруг мне бы никогда не рассказали.

– Вам следует понять, – внушал мне Грининг, – что месье де Бреску – из старинной, еще дореволюционной знати. Его род очень древний, хотя сам он и не носит никаких титулов. Для него личная и семейная честь – превыше всего.

– Я понимаю, – сказал я.

– Семья Кита, – мягко вставила принцесса, – тоже насчитывает несколько веков традиций.

Джеральд Грининг, похоже, был несколько ошеломлен. Я про себя улыбнулся и подумал, что вряд ли он представляет себе, в чем состоят вековые традиции гордости и ненависти

семейства Филдинг. Однако он явно пересмотрел свое отношение ко мне ввиду древности моего рода и продолжал свой рассказ.

– В середине девятнадцатого века, – сказал он, – прадеду месье де Бреску представилась возможность принять участие в строительстве мостов и каналов, и вследствие этого он, сам того не желая, оказался основателем одной из крупнейших строительных корпораций Франции. Сам он никогда ею не занимался – он был землевладельцем, – но предприятие процветало и с неожиданной гибкостью приспосабливалось ко всем переменам. В начале двадцатого века дед месье де Бреску дал согласие на слияние фамильного предприятия с другой строительной корпорацией, которая занималась в основном прокладкой дорог. Эпоха большого строительства каналов подходила к концу, а автомобили, которые тогда только начали появляться, требовали хороших дорог. Дед месье де Бреску остался владельцем пятидесяти процентов паев новой компании. Это соглашение не позволяло ни одному из партнеров захватить полный контроль над корпорацией.

Джеральд Грининг медленно расхаживал позади кресел, и в глазах его блестело неодобрение.

– Отец месье де Бреску погиб во Второй мировой войне, так и не успев унаследовать предприятия. Месье де Бреску унаследовал его после того, как его дед скончался в возрасте девяноста лет, после Второй мировой. Вы следите за ходом моих рассуждений?

– Да-да, – ответил я.

– Хорошо.

Он продолжал расхаживать, подробно излагая факты, словно представлял их на суд некой комиссии.

– Фирму, которая слилась с корпорацией деда месье де Бреску, возглавлял человек по имени Анри Нантерр, тоже из старинной семьи с высокими нравственными идеалами. Эти люди уважали и доверяли друг другу. Их договор подразумевал, что оба они будут руководствоваться строжайшими принципами. Они нашли себе управляющих с хорошей репутацией и продолжали... э-э... приумножать свое благосостояние.

– Угу, – сказал я.

– Перед Второй мировой и во время ее фирма пришла в упадок, сократившись примерно вчетверо, но тем не менее она оказалась достаточно стойкой, чтобы дожить до пятидесятих годов, несмотря на кончину обоих основателей. Месье де Бреску пребывал в хороших отношениях с наследником Нантерра – Луи, и традиция нанимать только самых лучших управляющих оставалась в силе. Но три года назад Луи Нантерр скончался, и его пятидесятипроцентный пай перешел в руки его единственного сына, Анри. Анри Нантерру тридцать семь лет, он способный предприниматель, полон сил и хорошо разбирается в делах. Доходы компании растут с каждым годом.

Принцесса и ее муж мрачно слушали эту длинную лекцию, хотя, с моей точки зрения, это было повествование о крупном успехе и процветании.

– Анри Нантерр, – осторожно пояснил Грининг, – человек... мнэ-э... современный. Это значит, что старые ценности не имеют для него никакого значения.

– У него нет понятия о чести! – с отвращением бросил Ролан де Бреску. – Он позорит свое имя!

Я не спеша повернулся к принцессе.

– А как он выглядит?

– Вы его видели, – просто ответила она. – В моей ложе.

Глава 3

Наступило короткое молчание. Потом принцесса сказала Гринингу:

– Джеральд, продолжайте, пожалуйста! Расскажите Киту, чего хочет этот... этот негодяй и что он говорил мне.

Но не успел Грининг и рта открыть, как Ролан де Бреску перебил его. Он развернул свою коляску ко мне.

– Я ему сам расскажу! Я расскажу вам. Я не думал, что следует втягивать вас в наши семейные дела, но поскольку моя жена настаивает... – он сделал слабый жест тонкой рукой, выражая свою привязанность к ней, – ...и к тому же вы женитесь на Даниэль, возможно, и стоит... Но я расскажу вам сам.

Говорил он медленно, но уже более отчетливо – видимо, потрясение отпускало и его тоже, уступая место гневу.

– Как вам известно, – сказал он, – я довольно долгое время... – Он указал на свое тело, не желая произносить этого вслух. – К тому же мы уже давно живем в Лондоне. Вдали от дел, вы понимаете?

Я кивнул.

– Луи Нантерр довольно часто ездил туда и беседовал с управляющими. Мы часто говорили по телефону, и он держал меня в курсе дела. Мы вместе решали, стоит ли развивать новые направления. Мы с ним, например, построили фабрику, производящую оборудование из пластика, а не из металла и бетона. Ну, к примеру, сточные трубы, которые не трескаются и не ржавеют, вы понимаете? Мы применяем новые сорта пластика, очень прочные.

Ролан сделал паузу – ему не хватало дыхания. Принцесса, Грининг и я молча ждали, когда он снова заговорит.

– Луи, – наконец продолжал Ролан де Бреску, – дважды в год приезжал к нам сюда в Лондон, с ревизорами и адвокатами – Джеральд тоже всегда присутствовал, – и мы обсуждали все, что сделано, читали доклады и предложения советов управляющих, строили планы... – Он тяжело вздохнул. – А потом Луи умер. Я просил Анри приезжать на встречи, но он отказался.

– Отказался? – переспросил я.

– Наотрез. И ко мне перестали поступать сведения о том, что происходит. Я послал туда Джеральда, написал ревизорам...

– Анри уволил всех ревизоров, – кратко пояснил Грининг во время паузы, – и нанял других по своему выбору. Он уволил также половину управляющих, принялся вести дела лично и начал развивать направления, о которых месье де Бреску не имел ни малейшего представления.

– Это невыносимо! – сказал де Бреску.

– А сегодня? – осторожно спросил я. – Что такого он наговорил сегодня в Ньюбери?

– Явиться к моей жене! – Де Бреску дрожал от ярости. – Угрожать ей! Это... это позор!

Он, похоже, не мог найти слов, достаточно сильных, чтобы выразить свои чувства.

– Он сказал принцессе Касилии, – пояснил Джеральд Грининг, – что ему нужна подпись ее мужа на документе, который месье де Бреску подписывать не хочет, и потребовал, чтобы она заставила мужа его подписать.

– На каком документе? – в лоб спросил я.

Никто из них, похоже, не спешил отвечать. Наконец Джеральд Грининг тяжело вздохнул и сказал:

– Французский бланк предварительного прошения о выдаче лицензии на производство и экспорт оружия.

– Оружия? – удивился я. – Какого оружия?

– Огнестрельного. Для убийства людей. Ручного оружия из пластика.

– Он мне говорил, – сказала принцесса, глядя на меня невидящими глазами, – что высокопрочные пластики очень хороши для производства оружия. Многие современные пистолеты и автоматы делаются из пластика. Он говорил, это дешевле и проще. Наладить производство будет очень просто, и это принесет большую выгоду, надо только получить лицензию. А лицензию ему, безусловно, дадут, потому что всю предварительную работу он уже провел – это он так говорил. Это было нетрудно, потому что компания «Бреску и Нантерр» имеет очень солидную репутацию. И все, что ему требуется, – это согласие моего мужа...

Она умолкла в полном отчаянии. Это же отчаяние отражалось на лице ее мужа.

– Оружие! – сказал он. – Я этого никогда не подпишу. В наше время торговать оружием бесчестно, вы понимаете? Это немыслимо! Сейчас в Европе это не считается достойным делом. Тем более оружие из пластика! Его же изобрели специально для того, чтобы можно было незаметно пронести в самолеты! Конечно, наши пластики для этого годятся, я и сам это прекрасно знаю, но чтобы под моим именем производили оружие, которое, быть может, попадет в руки к террористам? Не бывать такому! Это абсолютно неприемлемо!

Я и сам видел, что об этом и речи быть не может.

– Месяц назад мне позвонил один из наших старых управляющих и спросил, правда ли, что я собираюсь заняться производством оружия. А я об этом даже не слышал! Ничего! Потом Анри Нантерр прислал мне письмо через адвоката, прося моего официального согласия. Я ответил, что никогда не пойду на это, и счел вопрос закрытым. А заняться производством оружия без моего согласия компания не может. Но угрожать моей жене?!

– А чем именно он угрожал? – спросил я.

– Анри Нантерр сказал мне, – ответила принцесса слабым голосом, – что я должна убедить моего мужа подписать этот документ, потому что вряд ли я захочу, чтобы с кем-то из тех, кто мне дорог или работает на меня, произошел несчастный случай...

«Неудивительно, что она была в шоке», – подумал я. Оружие, угрозы, перспектива бесчестия... Все это так далеко от ее спокойного, надежного, респектабельного существования! Анри Нантерр со своим решительным видом и командным голосом, должно быть, допекал ее не меньше часа перед тем, как в ложу заглянул я...

– А куда делись ваши знакомые в Ньюбери? – спросил я. – Те, кто был в вашей ложе?

– Он приказал им уйти, – устало ответила принцесса. – Он сказал, что у него срочный разговор и чтобы они не возвращались.

– И они ушли.

– Да.

– Ну... я и сам ушел.

– Я не знала, кто он такой, – сказала принцесса. – Он меня застал врасплох. Вломился в ложу, выгнал всех вон, не обращая внимания на мои вопросы и протесты... Я никогда... – ее передернуло, – никогда не сталкивалась с подобными людьми!

«Да этот Анри Нантерр и сам не лучше террориста! – подумал я. – Во всяком случае, ведет он себя как настоящий террорист: шумный, нахрапистый, угрожает...»

– А что вы ему ответили? – спросил я. Если есть на свете человек, способный усмирить террориста словами, так это принцесса.

– Я не знаю... Он не слушал. Я пыталась вставить хоть слово, но он меня все время перебивал, и наконец я замолчала. Это было бесполезно. Когда я попыталась встать, он усадил меня силой. Он говорил и говорил, и повторял все время одно и то же. Когда вы вошли, я была совершенно ошеломлена.

– Надо мне было остаться!

– Нет... Это к лучшему, что вы ушли.

Она спокойно смотрела на меня. Я подумал, что, вероятно, мне пришлось бы драться с ним и, возможно, он оказался бы сильнее. Во всяком случае, пользы от этого было бы мало. И все же – надо мне было остаться...

Джеральд Грининг прокашлялся, положил папку на столик и снова принялся раскачиваться на каблуках за моим левым плечом.

– Принцесса Касилия говорит, – сказал он, позвякивая монетами в карманах, – что в прошлом ноябре ее жокей в одиночку справился с двумя гнусными газетными баронами, одним нечистым на руку бизнесменом и кучей гнусных головорезов.

Я повернул голову и встретился с его насмешливым и недоверчивым взглядом. «Шутник, однако», – подумал я. Нет, я бы выбрал себе в адвокаты кого-нибудь другого.

– Ну да, я тогда кое-что уладил, – ответил я ровным тоном.

– И что, они до сих пор жаждут вашей крови? – В его голосе звучала саркастическая нотка, словно он не мог принять всерьез рассказанного принцессой.

– Только нечистый на руку бизнесмен, насколько мне известно.

– Мейнард Аллардек?

– Вы о нем слышали?

– Я с ним встречался, – сообщил Грининг с выражением легкого превосходства. – Я бы сказал, что это очень приятный и благоразумный человек, вовсе никакой не мерзавец.

Я промолчал. Я вообще старался по возможности не говорить о Мейнарде, не в последнюю очередь потому, что боялся, как бы этот сутяга не подал на меня в суд за «клевету».

– Во всяком случае, – продолжал Грининг с нескрываемой иронией, раскачиваясь на каблуках на краю моего поля зрения, – принцесса Касилия теперь хочет, чтобы вы галопом мчались на выручку месье де Бреску и спасли его от этого несносного Нантерра.

– Нет-нет! – запротестовала принцесса, выпрямившись в своем кресле. – Джеральд, я ничего такого не говорила!

Я медленно встал и повернулся лицом к Гринингу. Не знаю, что такое он во мне увидел, но он перестал раскачиваться, вынул руки из карманов и сказал совершенно другим тоном:

– Нет, принцесса этого не говорила, но, несомненно, она хочет именно этого. И, должен признаться, до настоящего момента я полагал, что ее намерение не более чем шутка.

– Кит, – сказала принцесса у меня за спиной, – сядьте, пожалуйста. Я действительно об этом не просила. Я только подумала, не сможете ли вы... Ну пожалуйста, сядьте!

Я сел, наклонился вперед и заглянул в ее встревоженные глаза.

– Вы действительно хотите именно этого, – согласился я. – А как же иначе? Я сделаю все, что смогу. Но я... я всего лишь жокей.

– Вы Филдинг, – неожиданно возразила принцесса. – Это именно то, что увидел сейчас Джеральд. Это нечто... Бобби мне говорил, что вы сами не подозреваете... – Она смущенно осеклась. В обычных обстоятельствах она бы ни за что не стала разговаривать со мной таким образом. – Я хотела вас попросить, – продолжала она, с явным трудом взяв себя в руки, – сделать все, что в ваших силах, чтобы предотвратить всякого рода «несчастные случаи». Подумать, что именно может произойти, предупредить нас, что-то посоветовать. Нам нужен человек вроде вас, который способен представить себе...

Она остановилась. Я прекрасно понимал, что она имеет в виду, но на всякий случай спросил:

– А вы не думали обратиться в полицию?

Она молча кивнула. Джеральд Грининг у меня за спиной сказал:

– Как только принцесса Касилия рассказала мне, что произошло, я немедленно позвонил в полицию. Они ответили, что мое сообщение принято к сведению.

– Но ничего не сделали? – предположил я.

– Они сказали, что завалены уже совершенными преступлениями, но обещали следить за домом.

– А вы добрались до большого начальства, не так ли?

– До всех, кого смог застать сейчас, вечером.

«На самом деле постоянно охранять человека, которого хотят убить, практически невозможно», – подумал я. Но вряд ли Анри Нантерр решится зайти так далеко – хотя бы потому, что вряд ли это принесет ему какую-то пользу. Скорее всего, он просто решил, что запугать старого паралитика и женщину несколько не от мира сего будет проще простого. Он недооценил мужество принцессы и безупречную порядочность ее мужа. Нантерру, человеку без принципов, их щепетильность должна была казаться не непреодолимым барьером, а всего лишь упрямством, которое легко будет сломить.

Я сомневался, что он собирается устроить им «несчастный случай» прямо сейчас: наверняка он рассчитывает, что угрозы подействуют. Интересно, как скоро он обнаружит, что они не подействовали?

– А сколько времени дал вам Нантерр? – спросил я у принцессы. – Сказал ли он, когда именно собирается получить эту подпись?

– Я не подпишу... – пробормотал Ролан де Бреску.

– Да, месье, но Анри Нантерр этого еще не знает!

– Он сказал, – слабым голосом ответила принцесса, – что подпись моего мужа должна быть заверена нотариусом. Он сказал, что когда он это устроит, то сообщит нам.

– Нотариусом? Французским адвокатом?

– Не знаю. С моими друзьями он говорил по-английски, но, когда они ушли, он перешел на французский. Я попросила его говорить по-английски. Я, конечно, говорю по-французски, но предпочитаю английский. Он ведь для меня второй родной, вы же знаете.

Я кивнул. Даниэль мне говорила, что, поскольку ни принцесса, ни ее супруг не любят общаться друг с другом на родном языке другого, они оба предпочитают говорить между собой по-английски. Потому и поселились в Англии.

– Как вы думаете, – спросил я у Грининга, – что сделает Нантерр, когда обнаружит, что теперь, кроме месье, прошение должны подписать еще три человека?

Он посмотрел на меня своими блестящими глазами. «Контактные линзы», – подумал я ни к селу ни к городу.

– Насколько я понимаю, – ответил он, – именно это и хотят узнать от вас.

– Ну, – сказал я, – это зависит от того, насколько он богат, насколько он жаден, насколько стремится к власти, насколько решителен и насколько далеко способен зайти.

– О боже, – воскликнула принцесса, – как это все ужасно!

Я был полностью с ней согласен. Я, как и она, предпочел бы оказаться на открытом всем ветрам ипподроме, где самый большой мерзавец в худшем случае тебя лягнет или укусит.

– Есть простой способ обеспечить вашей семье безопасность и сохранить свое доброе имя, – сказал я месье де Бреску.

– И какой же? – спросил он.

– Переменить название компании и продать свой пай.

Де Бреску прикрыл глаза. Принцесса прижала руку к губам. Реакции Грининга я не видел – он стоял у меня за спиной.

– К несчастью, – сказал наконец Ролан де Бреску, – я не могу сделать ни того, ни другого иначе как с согласия Анри Нантерра. Таково было изначальное условие соглашения.

Он помолчал.

– Конечно, возможно, он и согласится, если ему удастся организовать консорциум и самому стать его главой с правом решающего голоса. Тогда он сможет при желании производить оружие.

– Да, это мне кажется вполне позитивным решением, – рассудительно заметил Джеральд Грининг. – Вы сразу избавитесь от всех проблем, месье. К тому же получите огромную сумму денег... Да, это предложение, несомненно, обдумать стоит.

Ролан де Бреску внимательно посмотрел мне в глаза.

– Скажите, – спросил он, – а вы сами сделали бы это на моем месте?

Сделал ли бы я это? Если бы я был стар и разбит параличом? Если бы я знал, что в результате в мир, уже и так переполненный орудиями убийства, хлынет новая волна оружия? Если бы знал, что сделать это – значит поступиться своими принципами? Если бы я беспокоился о безопасности своей семьи?

– Не знаю, месье, – ответил я.

Он слабо улыбнулся и обернулся к принцессе:

– А ты, дорогая? Ты бы так поступила?

Но ответить принцесса не успела: ее прервало жужжание внутренней переговорной системы, недавнего нововведения, которое избавило всех домочадцев от лишней беготни. Принцесса сняла трубку и нажала на кнопку.

– Да? – Она выслушала то, что ей сказали. – Подождите минутку.

Она посмотрела на мужа.

– Вы никого не ждете? Даусон говорит, пришли двое мужчин, которые сказали, что вы назначили им встречу. Он проводил их в библиотеку.

Ролан де Бреску озадаченно покачал головой, и в это время в трубке раздался вопль, слышный даже нам.

– Что? – спросила принцесса, снова поднося трубку к уху. – Что вы говорите, Даусон?

Она прислушалась, но, похоже, ничего не услышала.

– Он куда-то исчез, – удивленно сказала она. – Как вы думаете, что произошло?

– Я пойду посмотрю, если хотите, – предложил я.

– Да, Кит, пожалуйста!

Я встал и успел подойти к двери. Как только я взялся за ручку, дверь резко распахнулась, и в комнату решительно вошли двое мужчин. Один из них явно был Анри Нантерр; на шаг позади него шел другой – бледный, остролицый молодой человек в зауженном черном пиджаке, с «дипломатом» в руках.

Вслед за ними появился запыхавшийся Даусон, потрясенный столь бесцеремонным вторжением в свои владения.

– Мадам, – беспомощно начал он, – они просто пробежали мимо меня...

Анри Нантерр грубо захлопнул дверь, прервав излияния дворецкого, повернулся и окинул взглядом комнату, полную народа. Он, похоже, был обескуражен, увидев здесь Джеральда Грининга. На меня он бросил пронзительный взгляд, словно припоминая, где он мог со мной встречаться. Во всяком случае, мое присутствие его тоже не обрадовало. Видимо, он ожидал застать здесь только принцессу и ее мужа и рассчитывал на то, что они готовы сидеться.

Его орлиный профиль на фоне этих темных стен смотрелся уже не столь внушительно, к тому же комната была значительно больше ложи, так что его агрессивность не была столь ощутимой, но все же Нантерр по-прежнему выглядел достаточно грозным благодаря громкому голосу и полному отсутствию хороших манер, которые он, по идее, должен был унаследовать от своего отца.

Он щелкнул пальцами, подавая знак своему спутнику. Тот достал из «дипломата» лист желтоватой бумаги и передал его Нантерру. Нантерр начал что-то громко говорить Ролану

де Бреску по-французски – что-то явно неприятное. Его жертва откинулась назад в своем кресле, как бы желая защититься, и во время первой же паузы раздраженно встала:

– Говорите по-английски!

Анри Нантерр в ответ взмахнул своей бумагой и выпалил очередную длинную тираду на французском, перебив де Бреску, который пытался возразить. Принцесса беспомощно развела руками, показывая мне, что с ней было то же самое.

– Нантерр! – властно сказал Джеральд Грининг. Тот глянул в его сторону, но своей тирады не прервал. Я вернулся к своему креслу, уселся, положив ногу на ногу, и принялся покачивать ботинком. Это ужасно раздражало Нантерра – настолько, что он прервался и сказал мне нечто вроде: «*Et qui êtes-vous?*» Кажется, это значит «А вы кто такой?», но я не уверен: все мои познания во французском приобретены на ипподромах Отея и Кансюр-Мер и ограничиваются в основном словами типа *courants* (рысаки), *haies* (препятствия) и *piste* (скаковая дорожка).

Поэтому я мило улыбнулся Нантерру и продолжал болтать ногой.

Грининг воспользовался кратким молчанием, чтобы достаточно напыщенно заявить:

– Месье де Бреску не имеет полномочий подписывать какие бы то ни было бумаги.

– Не дурите, – ответил Нантерр, наконец-то перейдя на английский – он изъяснялся на нем довольно бегло, как и большинство французских бизнесменов. – Он захватил слишком много власти. Он оторван от современного мира, и его вмешательство необходимо пресечь. Я требую от него утвердить решение, которое должно принести новую жизнь и процветание стареющей компании. Период строительства дорог подошел к концу. Надо осваивать новые рынки. Я нашел рынок, который позволяет найти великолепное применение давно освоенным нами пластиковым материалам. И никакие дурацкие старомодные идеи меня не остановят!

– Месье де Бреску отказался от права единолично принимать решения, – сказал Грининг. – Теперь, помимо него и вас, под любым изменением, затрагивающим политику компании, должны подписываться еще три человека.

– Это неправда! – воскликнул Нантерр. – Де Бреску всем распоряжается сам.

– До сих пор это было так. Но он отказался от этого.

Похоже, Нантерр был сбит с толку. Я уже подумал было, что временная дамба Грининга действительно сдержит напор воды. Но у него хватило глупости бросить самодовольный взгляд в сторону лежащей на столике папки. «Ну и дурак!» – подумал я: Нантерр проследил направление его взгляда и молниеносно ринулся к папке. Адвокат тоже метнулся к столику, но опоздал – и, надо сказать, мне его было ничуть не жаль.

– Положите на место! – воскликнул Грининг, но Нантерр уже пробежал глазами документ и сунул его своему бледному спутнику.

– Это законно? – осведомился он.

Джеральд Грининг решительно направился к ним, чтобы вернуть себе свою собственность, но не представленный нам француз отступил назад, повернулся так, чтобы Грининг не мог дотянуться до папки, и углубился в чтение документа.

– *Oui*, – сказал он наконец. – Да. Законно.

– Ну, в таком случае... – Нантерр выхватил папку у него из рук, выдрал из нее рукописные страницы и разорвал их начесть. – Этого документа больше не существует.

– Существует-существует! – сказал я. – Даже несмотря на то, что вы его изорвали. Он был подписан, и тому есть свидетели. Намерения, в нем изложенные, остаются фактом, а написать его можно и снова.

Нантерр устремил пронзительный взгляд на меня.

– Вы кто такой? – осведомился он.

– Друг семьи.

– Перестаньте болтать ногой!

Я безмятежно продолжал покачивать ботинком.

– Почему бы вам не смириться с фактом, что месье де Бреску никогда не допустит, чтобы его компания торговала оружием? – спросил я. – Если уж вам так хочется этим заняться, взяли бы да ликвидировали компанию, а потом производили себе оружие самостоятельно.

Глаза Нантерра сузились. Все присутствующие ждали его ответа. Ответил он неохотно, но видно было, что он говорит правду. И Ролану де Бреску эта правда ничего хорошего не сулила.

– Мне сказали, – ответил Нантерр с холодным гневом, – что дадут разрешение только в том случае, если прошение подаст лично месье де Бреску. Мне сказали, что необходима его поддержка.

Я подумал, что, видимо, кто-то во Франции не хочет, чтобы Нантерр занимался производством оружия, и вместо того, чтобы отказать ему напрямую – что может повлечь за собой определенные сложности, – решил мягко и дипломатично замять дело. Поставив условие, которое заведомо выполнено не будет, они тем самым возложили обязанность разрушить планы Нантерра на плечи де Бреску.

– Поэтому, – угрожающе продолжал Нантерр, – де Бреску это прошение подпишет. Волей или неволей, а подпишет.

Он взглянул на порванный документ, который по-прежнему сжимал в руках, и отдал его своему спутнику.

– Пойдите найдите туалет, – сказал он. – И избавьтесь от этих бумажек. Потом возвращайтесь.

Бледный молодой человек кивнул и удалился. Джеральд Грининг попытался было протестовать, но Нантерр не обратил на его возражения ни малейшего внимания. Судя по его лицу, ему в голову пришла какая-то неприятная мысль. Он прервал Грининга, спросив:

– Где те люди, чьи имена стояли в этом документе?

Грининг впервые проявил подобающую адвокату дипломатичность, сказав, что понятия не имеет.

– Где они? – повторил Нантерр, обращаясь к Ролану де Бреску. В ответ тот только чисто по-галльски пожал плечами.

Нантерр осведомился о том же у принцессы – она молча покачала головой, – потом у меня – с тем же результатом.

– Где они?!

Я подумал, что сейчас они, должно быть, внимают нежным гармониям Шопена. Интересно, они хоть знают о существовании этого соглашения?

– Как их имена? – спросил Нантерр.

Никто не ответил. Он подошел к двери и крикнул в коридор:

– Валери! Идите сюда! Немедленно! Валери!

Валери прибежал обратно с пустыми руками.

– С соглашением покончено! – радостно заверил он. – Оно уже в канализации!

– Вы ведь прочли имена, которые в нем стояли? – осведомился Нантерр. – Вы их помните?

Валери сглотнул.

– Я... э-э... – промямлил он. – Я их не запомнил... Первое имя было... э-э... принцесса Касилия...

– А другие?

Валери в отчаянии покачал головой. Он, как и Нантерр, сообразил, что они утопили в канализации сведения, которые могли бы им пригодиться, но было уже поздно. Невозможно оказывать давление, когда не знаешь, на кого давить.

Разочарование Нантерра проявилось в новом приливе агрессивности. Он снова сунул прошение под нос Ролану де Бреску и потребовал, чтобы тот его подписал.

Месье де Бреску не потрудился даже покачать головой. Я подумал, что Нантерр проиграл и сейчас уйдет; но не тут-то было.

Он передал прошение Валери, сунул правую руку за пазуху и достал из спрятанной под пиджаком кобуры черный, делового вида пистолет. Плавню шагнул к принцессе и приставил дуло к ее виску, встав у нее за спиной и крепко держа ее голову левой рукой за подбородок.

– Подписывайте! – бросил он де Бреску.

Глава 4

Атмосфера накалялась.

– Не дурите, Нантерр, – сказал я ровным тоном.

– Перестаньте болтать ногой! – яростно рявкнул он в ответ.

Я перестал. Всему свое время.

– Если вы убьете принцессу Касилию, месье де Бреску не подпишет прошение, – спокойно сказал я.

Принцесса закрыла глаза. Месье де Бреску, казалось, был близок к обмороку. У Валери глаза так выпучились, что готовы были вылезти на лоб. Джеральд Грининг, стоявший у меня за спиной, выдохнул: «О боже!»

Во рту у меня пересохло. Это было очень неприятно, но я сказал:

– Если вы убьете принцессу Касилию, мы все будем свидетелями. Вам придется убить нас всех – включая Валери.

Валери застонал.

– Месье де Бреску уже не сможет подписать прошение, – продолжал я. – Вы окончите свои дни в тюрьме. Спрашивается, какой смысл?

Нантерр уставился на меня горящими темными глазами, продолжая крепко сжимать голову принцессы.

После паузы, которая тянулась, наверное, пару веков, он встряхнул голову принцессы и отпустил ее.

– Пистолет не заряжен, – сказал он. Расстегнул пиджак и сунул пистолет обратно в кобуру. Злобно взглянул на меня, словно желая навеки запечатлеть мое лицо в своей памяти, и молча вышел из комнаты.

Валери зажмурился, потом приоткрыл глаза, втянул голову в плечи и бросился следом за хозяином. Судя по всему, он предпочел бы находиться где угодно, только не здесь.

Принцесса со стоном соскользнула с кресла, упала на колени рядом с коляской, обвила мужа руками, уткнулась лицом ему в шею, так что ее блестящие черные волосы упали ему на лицо. Он поднял худую руку, погладил жену по голове и мрачно взглянул на меня.

– Я бы подписал, – сказал он.

– Да, месье.

Мне и самому было скверно, а уж им-то каково – этого я и представить не мог. Принцесса заметно вздрагивала. «Плачет», – подумал я. И встал.

– Я подожду внизу, – сказал я.

Де Бреску очень коротко кивнул, и я вышел следом за Нантерром. У лестницы я остановился, поджидая Грининга. Он вышел вслед за мной на негнущихся ногах, затворил дверь, и мы вместе спустились в гостиную, где я ждал до того.

– Вы ведь не знали, что пистолет не заряжен, да? – хрипло спросил он.

– Не знал.

– Это был чудовищный риск! – Он направился прямо к подносу с бутылками и стаканами и трясущейся рукой налил себе бренди. – Вам налить?

Я кивнул и опустил на один из обитых ситцем диванчиков. Колени у меня все-таки дрожали. Грининг отдал мне стакан и тоже рухнул на диван.

– Никогда не любил оружия, – признался он.

– Интересно, а он вообще собирался его доставать? – сказал я. – Он не думал воспользоваться им, иначе бы принес его заряженным.

– Если нет, тогда зачем он его вообще с собой носит?

– Ну, скажем, как образец, – предположил я. – Пластиковая «пушка» Нантерра, демонстрационная модель. Интересно, как ему удалось провезти его в Англию? Как его не заметили в аэропорту? Может, он его вез в разобранном виде?

Грининг отхлебнул бренди и сказал:

– Когда я встречался с ним во Франции, он показался мне напыщенным, но трезвым и практичным. Но эти угрозы... сегодняшнее поведение...

– Да, я бы его назвал скорее нетрезвым, – заметил я.

Он взглянул на меня.

– Как вы думаете, он сдастся?

– Нантерр? Боюсь, что нет. Он наверняка понял, что уже близок к победе. Я бы сказал, что он сделает еще одну попытку. Может быть, он пойдет другим путем.

– Когда вас здесь не будет.

Грининг сказал это так, словно это само собой разумелось. Все прежние сомнения были забыты. Я подумал, что так он может удариться в другую крайность. Он взглянул на часы и тяжело вздохнул.

– А я сказал жене, что немножко задержусь. Немножко! А она меня ждет к ужину. – Он помолчал. – Я немного подожду и пойду, пожалуй. Вы им передадите мои извинения?

– Ладно, – сказал я, немного удивившись. – А вы разве не собираетесь восстановить... э-э... временную дамбу?

Он не сразу сообразил, что я имею в виду, а когда до него дошло, он сказал, что надо спросить у месье де Бреску, хочет ли он этого.

– Но ведь это может защитить его, как вы и рассчитывали, не так ли? – спросил я. – Особенно пока Нантерр не знает, на кого еще следует давить. – Я взглянул на брошюрку «Мастер-класса». – А Даниэль и принц Литси знали, что их имена используют таким образом?

Он покачал головой.

– Принцесса Касилия не смогла вспомнить название отеля. На законность документа это не влияет. На этом этапе их согласия не требовалось.

Но теперь, после той демонстрации силы, которую устроил Нантерр, пожалуй, было бы нечестно втягивать их в это дело без их согласия. Я уже собирался сказать об этом, когда дверь тихо отворилась, и вошла принцесса Касилия.

– Джеральд, – сказала она более высоким и резким, чем обычно, голосом, – мы оба хотим поблагодарить вас за то, что вы пришли. Мы очень сожалеем, что вы опоздали к ужину.

– Принцесса, мое время в вашем распоряжении! – возразил Грининг.

– Мой муж спрашивает, не могли ли бы вы вернуться завтра утром?

Грининг поморщился – видимо, прощался со своим субботним гольфом, – спросил, устроит ли их, если он придет в десять, и, получив положительный ответ, удалился с видимым облегчением.

– Кит... – принцесса обернулась ко мне. – Вы не могли бы сегодня переночевать здесь, в доме? На случай... Просто на всякий случай.

– Хорошо, – сказал я.

Она прикрыла глаза и открыла их снова.

– Какой ужасный день! – Она помолчала. – Все какое-то ненастоящее...

– Может, вам налить бренди?

– Нет. Попросите Даусона принести вам поесть. Скажите ему, что вы ночуете в «бамбуковой» комнате.

Она посмотрела на меня невыразительным взглядом, слишком уставшая, чтобы испытывать какие-то эмоции.

– Мой муж хочет с вами поговорить утром.

– Только пораньше! – сказал я. – Мне же надо быть в Ньюбери к первой скачке.

– Господи! Я совсем забыла! – Ее глаза слегка ожили. – Я даже не спросила, как выступил Котопакси.

– Третьим пришел. Хорошо скакал.

– Как давно это было!

– На кассете посмотрите.

Принцесса, как и многие владельцы лошадей, приобретала кассеты с записями скачек, чтобы вновь и вновь любоваться триумфами своих любимцев.

– Да, это будет замечательно.

Она сказала «спокойной ночи» так, словно это не ей полчаса назад приставляли дуло к виску, и уплыла вверх, прямая, как статуэтка.

«Замечательная женщина!» – не в первый раз подумал я и спустился в цокольный этаж, чтобы найти Даусона. Он сидел без пиджака перед телевизором, попивая пиво. Дворецкий был несколько пристыжен тем, что незванным гостям удалось взять его владения приступом, и потому не стал возражать, когда я изъявил желание вместе с ним проверить надежность запоров. Ставни на окнах, входная дверь, дверь черного хода, дверь в цокольный этаж – все было заперто.

Даусон сказал, что в десять придет Джон Гренди, санитар. Он уложит месье в постель, переночует в соседней комнате, а утром поможет ему принять ванну, побриться и одеться. Потом постирает белье месье и в одиннадцать уйдет.

Еще Даусон сказал, что в доме живут только он и его жена (личная горничная принцессы). Остальная прислуга – приходящая. Принц Литси, который живет в комнатах для гостей на первом этаже, и мисс де Бреску, чья комната рядом с апартаментами принцессы, сейчас в отъезде – впрочем, это я и сам знал.

Когда я сказал про «бамбуковую» комнату, Даусон изумленно вскинул брови; и, когда он отвез меня на лифте на третий этаж, я понял почему. Великолепная, отделанная голубым и кремовым с золотом комната была достойна самых благородных гостей. «Бамбуковой» она называлась потому, что занавески в ней были расписаны побегами бамбука, и она была обставлена светлой чиппендейловской мебелью в китайском стиле. Там стояла широкая двуспальная кровать, гардероб, имелась ванная, богатый бар и хороший телевизор, спрятанный за опускающейся дверцей.

Даусон оставил меня там, и я воспользовался возможностью позвонить Уайкему – я звонил ему каждый вечер, – чтобы рассказать, как скакали его лошади. Уайкем сказал, что Котопакси он доволен. Но понимаю ли я, что сделал с Каскадом? Дасти доложил ему обо всем, что было на скачках, включая и то, как Мейнард Аллардек осматривал коня после финиша. Дасти был вне себя.

– Как Каскад? – спросил я.

– Мы его взвесили. Он потерял тридцать фунтов! Головы поднять не может! Ты нечасто возвращаешь мне лошадей в таком состоянии.

– Извините, – сказал я.

– Победы бывают разные! – раздраженно сказал он. – Теперь на Челтенхеме ему ничего не светит.

– Извините, – с раскаянием повторил я. До Челтенхема было две с половиной недели. Разумеется, это было главное состязание года по скачкам с препятствиями. Престижные скачки, крупные призы... Конечно, Уайкем прежде всего хотел победить в них – как и я, как и любой жокей. «Проиграю, – подумал я. – И поделом мне: нечего вымещать злость на лошади». Но Уайкема мне было искренне жаль.

– Смотри не вздумай сотворить такого завтра с Каргули! – сурово сказал Уайкем.

Я вздохнул. Каргули уже несколько лет как не было в живых. Уайкем иногда до такой степени путался в именах, что я не мог понять, о какой лошади он говорит.

– Вы имеете в виду Кинли? – уточнил я.

– Чего? Ну да, конечно, а я что говорю? Будь с ним осторожен, Кит!

Ну, по крайней мере он знает, с кем разговаривает. По телефону он временами называл меня именем жокея, который ездил на его лошадях десять лет назад.

Я заверил его, что с Кинли все будет в порядке.

– Да, ну и, разумеется, выиграй скачку, – сказал он.

– Ладно.

Осторожность и победа не всегда сочетаются. Никто этого не знал лучше Каскада. Однако все горячо надеялись на то, что Кинли возьмет приз в Челтенхеме, а если он не одержит уверенной победы в Ньюбери, надежды поостынут.

– Дасти говорит, принцесса не пришла на круг перед скачкой Котопакси и потом не выходила посмотреть на него. Он говорит, это потому, что она рассердилась из-за Каскада. – Старческий голос Уайкема был полон негодования. – Мы не можем позволить себе сердить принцессу!

– Дасти ошибается, – сказал я. – Она не рассердилась. У нее просто были проблемы с... с одним посетителем в ее ложе. Она мне потом все объяснила и пригласила к себе, на Итон-сквер. Я отсюда и звоню.

– О-о! – сказал он, смягчившись. – Ну, тогда ладно. Скачку с Кинли завтра будут показывать по телевизору! – предупредил он. – Я буду смотреть!

– Замечательно!

– Ну, пока. Спокойной ночи, Пол.

– Спокойной ночи, Уайкем.

Потом я неохотно позвонил к себе домой, но на автоответчике ничего важного не было. А тут пришел Даусон с заказанным мною ужином: куриный суп, холодная ветчина и банан.

Позднее мы снова обошли дом и встретились с Джоном Гренди – шестидесятилетним вдовцом, – который направлялся в свою комнату. Гренди и Даусон оба заверили меня, что их ничуть не беспокоит, если я несколько раз обойду дом среди ночи. Я действительно пару раз вставал и спускался вниз, но в доме стояла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Я беспокойно спал на полотняном белье под шелковым одеялом, в пижаме, предусмотрительно выделенной мне Даусоном, а утром меня пригласили к Ролану де Бреску.

Он сидел один у себя в гостиной, одетый в костюм и белую рубашку с фуляровым галстуком. Черные ботинки начищены до блеска. Седые волосы аккуратно расчесаны. Невзирая на болезнь, невзирая на выходной.

Его инвалидная коляска отличалась высокой спинкой. Я таких никогда не видел и всегда удивлялся почему: очень удобно откинуть голову, когда захочется подремать. В то утро он не спал, но голова его была откинута на спинку коляски.

– Садитесь, пожалуйста, – любезно сказал он и проследил взглядом за тем, как я сажусь на то же место, где сидел накануне, – в темно-красное кожаное кресло. Он выглядел даже более болезненным, чем вчера, если это вообще было возможно. Под глазами набрякли мешки, а длинные руки, неподвижно лежавшие на мягких подлокотниках, казались какими-то прозрачными, словно кости были обтянуты не кожей, а бумагой.

Мне стало почти стыдно за свою силу и здоровье, и я спросил, не нужно ли ему подать что-нибудь.

Он отказался и чуть прищурился. Возможно, это была улыбка: он, видимо, привык к подобной реакции своих посетителей.

– Я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли нам на помощь, – сказал он. – За то, что вы помогли принцессе Касилии.

В обычных обстоятельствах он никогда не называл ее «моя жена». И я, говоря о ней с ним, тоже всегда называл ее «принцесса Касилия». Его официальная манера речи была на удивление заразительна.

— А кроме того, — продолжал он, едва я успел открыть рот, чтобы сказать «не за что», — за то, что вы дали мне время поразмыслить о том, что делать с Анри Нантерром. — Он облизнул сухие губы кончиком языка, тоже пересохшего. — Я всю ночь не спал... Я не могу рисковать тем, что принцессе Касилии или кому-то из наших близких могут причинить вред. Мне пора взять дело в свои руки. Назначить преемника... У меня нет детей, и вообще де Бреску осталось очень мало. Найти члена семьи, который займет мое место, будет не так-то просто.

Казалось, сама мысль обо всех этих разговорах и решениях утомляла его.

— Мне не хватает Луи, — неожиданно сказал он. — Я не могу работать без него. Мне пора на покой. Я должен был понять... когда умер Луи... что пора.

Он, похоже, говорил не столько со мной, сколько с самим собой, чтобы разобраться в своих мыслях. Глаза его блуждали.

Я издал неопределенный звук, не выразивший ничего, кроме сдержанного интереса. Однако я тоже был согласен с тем, что ему пора на покой. Казалось, де Бреску услышал мою мысль, потому что спокойно пояснил:

— Моему деду было девяносто, а он все еще распоряжался компанией. Я тоже рассчитывал умереть, будучи во главе компании. Я ведь председатель...

— Да, я понимаю.

Его взгляд остановился на моем лице.

— Принцесса Касилия сегодня поедет на скачки. Она надеется, что вы согласитесь поехать с ней, в ее машине. — Он помолчал. — Могу ли я просить вас... могу ли я надеяться, что вы в случае чего защитите ее?

— Да, — ответил я как ни в чем не бывало. — Даже ценой собственной жизни.

После событий вчерашнего вечера это даже не показалось театральным. И он, похоже, воспринял это как нормальный ответ. Только кивнул. Я подумал, что потом мне, наверно, будет ужасно стыдно за себя. Но ведь я действительно так думал, а правду не скроешь...

Во всяком случае, это, похоже, было именно то, что он хотел услышать. Он снова пару раз медленно кивнул, как бы закрепляя договор, и я встал, чтобы уйти. И увидел «дипломат», торчащий из-под стула. Я поднял его и спросил у де Бреску, куда его положить.

— Это не мой, — ответил де Бреску без особого интереса. — Должно быть, это Джеральд Грининг забыл. Он сегодня должен прийти...

Мне внезапно вспомнилась скорбная фигура Валери, достающего бланк прошения из этого самого «дипломата». А когда он выходил из комнаты, в руках у него ничего не было. Когда я сказал об этом Ролану де Бреску, он попросил меня отнести «дипломат» вниз, в холл, чтобы, когда его владелец явится за ним, ему не пришлось подниматься наверх.

Я унес «дипломат» с собой, но, не обладая щепетильностью и сдержанностью де Бреску, отправился не вниз, а в «бамбуковую» комнату.

«Дипломат», неброский и удобный, черной кожи, оказался не заперт. Внутри не было ничего особо интересного: всего лишь какой-то бланк — похоже, дубликат того, который отказался подписывать Ролан де Бреску.

Бланк был напечатан — плохо напечатан — на обычной желтоватой бумаге, в основном мелким курсивом и, разумеется, по-французски. И не скажешь, что эта бумажка стоит того шума, который из-за нее подняли! Насколько я мог разобрать, про оружие в ней ничего не говорилось, но в ней было много отточий, которые требовалось заполнить. В дубликате пустые места заполнены не были, хотя тот документ, который унес с собой Нантерр, видимо, был готов к подписи.

Я сунул бланк в ящик тумбочки у кровати, а «дипломат» отнес вниз. По дороге я встретился с Джеральдом Гринингом. Мы поздоровались, заново ощутив напряжение предыдущей ночи. Грининг сказал, что не только составил свою «дамбу» заново, но и напечатал документ на машинке и поставил все нужные печати. Не буду ли я так любезен снова расписаться в качестве свидетеля?

Мы вернулись к Ролану де Бреску, заново расписались в документе, и я опять заметил, что надо бы сообщить об этом Даниэль и принцу Литси. Я не мог не думать о них. Сейчас они, наверно, слушают про шедевры Леонардо... Ах, черт побери!

– Да-да, – ответил Грининг. – Я так понимаю, что они возвращаются завтра вечером? Вот тогда и сообщите им.

– Да, наверно...

– А теперь, – сказал Грининг, – надо сообщить полиции последние новости.

Он сел к телефону, дозвонился до вчерашнего высокого чина и еще выше, в отдел уголовного розыска. Он признался, что не знает, где теперь Нантерр.

– Как только он появится, мы вам немедленно позвоним! – пообещал он. Я спросил себя, насколько «немедленно» он сможет об этом сообщить, если на этот раз Нантерр появится с заряженным пистолетом.

Однако Ролан де Бреску выразил ему свое одобрение, и я оставил их обсуждать вопрос, как найти де Бреску преемника. Я собрался и вышел в холл, чтобы подождать принцессу. Вскоре она спустилась, чтобы ехать на скачки. Даусон нависал над ней. Томас, которому рассказали о вчерашних событиях по телефону, уже подгонял машину к подъезду. На принцессе на этот раз были не соболя, а пальто кремового цвета, в ушах – тяжелые золотые серьги, и шапки на ней тоже не было. Она выглядела абсолютно спокойной, но от меня все же не укрылся опасливый взгляд, каким она окинула улицу, сойдя с крыльца на тротуар.

– Главное, – заметила она самым светским тоном, когда мы сели в машину и Томас запер все четыре двери, – это не позволять, чтобы опасность отвлекала тебя от удовольствий.

– Хм... – уклончиво ответил я.

– Вот ведь вас, Кит, она не отвлекает?

– Ну, для меня-то это не просто удовольствие. Я этим живу.

– Ну, значит, не позволять, чтобы опасность отвлекала тебя от исполнения твоего долга... – Принцесса вздохнула. – Вам не кажется, что это звучит чересчур уж напыщенно? По-моему, исполнение долга часто и есть удовольствие. Как вы думаете?

Я подумал и решил, что она, пожалуй, права. Она по-своему была неплохим психологом...

– Расскажите мне про Котопакси! – потребовала она и стала внимательно слушать, время от времени задавая вопросы. Потом мы поговорили про Кинли, ее блестящего молодого скакуна, а потом про другого ее коня, который должен был участвовать в сегодняшних скачках, – Хиллсборо. И только подъезжая к Ньюбери, я спросил ее, не стоит ли Томасу сопровождать ее на ипподроме и оставаться при ней весь день.

– Томас? – удивилась она. – Но он же не любит скачек! Ему там скучно. Правда, Томас?

– Обычно да, мадам, – ответил он.

– Томас большой и сильный, – ответил я, хотя это и без того было очевидно. – А месье де Бреску просил меня проследить, чтобы с вами на скачках ничего не случилось.

– О-о... – обескураженно протянула она. – А что... что вы сказали Томасу?

– Чтобы я следил за французийской с ястребиным носом и не давал ему задевать вас, мадам, – ответил Томас.

Она успокоилась и улыбнулась. По-моему, она была рада этому.

Не знаю, было ли ей известно о том, что Джон Гренди пожертвовал своим субботним отдыхом и остался при Ролане де Бреску, заучив на всякий случай номер телефона местного полицейского участка.

– Они уже знают, что здесь что-то может случиться, – сказал я ему. – Если вы им позволите, они сразу приедут.

Джон Гренди, еще очень крепкий для своих лет, ответил только, что ему не раз приходилось иметь дело с буйными алкоголиками и что в случае чего он управится. Даусон, жена которого ушла в гости к сестре, клялся и божился, что никого чужого не впустит. Мне лично казалось маловероятным, чтобы Нантерр еще раз попытался силой прорваться в дом, и все же глупо было бы держать двери нараспашку.

Томас со своими шестью футами тремя дюймами роста вполне мог сойти за телохранителя. Он весь день ходил за принцессой по пятам, она же как будто и не замечала своей тени. Она не захотела отменить свой ленч, на который было приглашено пятеро ее знакомых, и по моему совету попросила их оставаться при ней, что бы ни произошло, и не уходить, разве что она сама их попросит.

Перед первой из ее двух скачек двое из них вышли в паддок вместе с ней, а позади них возвышался Томас. Все трое представляли собой достаточно надежный щит. Садясь на Хиллсборо и выезжая на дорожку, я с беспокойством подумал, что более вероятная мишень, скорее всего, не де Бреску, а именно принцесса: ее муж никогда не откажется от своей чести ради того, чтобы спасти свою жизнь, но ради спасения похищенной жены... вполне возможно.

Он, конечно, может потом отказаться от документа, подписанного под давлением. Он может отказаться, может устроить скандал, может заявить, что не поддерживает этой инициативы... Тогда производство оружия будет предотвращено. Но это нанесет ущерб его здоровью, и его имя сделается притчей во языцех. «Во всяком случае, – подумал я, – всегда лучше предотвратить беду, чем потом ликвидировать последствия». Интересно, чего я еще не предусмотрел?

Хиллсборо был как неживой. Я еще до старта понял, что сегодня от него толку не добьешься. Я не чувствовал сигналов, какие всегда подает лошадь, когда она готова к скачке. После старта я попытался его разгорячить, но он еле тащился, словно машина, которую забыли заправить.

Он хорошо взял большинство препятствий, но терял время на том, что после препятствий не набирал скорость так быстро, как следовало бы, а на финишной прямой пропустил вперед еще двух лошадей и пришел восьмым из двенадцати.

Ну что ж, ничего не поделаешь: всех скачек не выиграешь. Однако, когда после скачки ко мне явился служащий ипподрома и сказал, что меня немедленно хотят видеть распорядители, я ощутил раздражение и последовал за ним в комнату распорядителей скорее с вызовом, чем с раскаянием. За столом, как я и ожидал, восседал Мейнард Аллардек вместе с двумя другими зрителями. Мейнард выглядел беспристрастным и рассудительным, что твой святой. Распорядители сказали мне, что хотели бы знать, почему такой замечательный конь, как Хиллсборо, показал такой плохой результат. Они сказали, имеется мнение, что я недостаточно заставил лошадь выложиться и не стремился победить, и потребовали у меня объяснений.

«Мнение» почти наверняка принадлежало Мейнарду, но говорил не он. Разговор начал человек, которого я уважал.

– Мистер Филдинг, объясните, почему Хиллсборо пришел восьмым?

В свое время он сам был жокеем-любителем, поэтому я ему сказал прямо, что мой конь был не в форме и не в настроении. Он еще до старта шел кое-как, а во время скачки я пару раз вообще подумывал сойти с дистанции.

Распорядитель покосился на Аллардека и спросил:

– А почему вы не воспользовались хлыстом после последнего препятствия?

Мне тут же вспомнилась поговорка «погонять павшую лошадь», но я сказал только:

– Я подавал ему команды прибавить скорость, но он просто не мог. От хлыста толку было бы мало.

– Вы, похоже, слишком берегли коня, – заметил он, но без особой иронии или агрессивности. – Как вы это объясните?

«Слишком беречь коня» – это эвфемизм, означающий, что жокей не старался выиграть или, хуже того, старался не выиграть. Это тоже пахнет лишением лицензии. Я ответил с некоторым нажимом:

– Лошади принцессы Касилии и мистера Харлоу всегда выкладываются как могут. Хиллсборо делал все, что мог, просто он действительно был не в форме.

В глазах распорядителя вспыхнула легкая улыбка. Он, как и все люди, имеющие отношение к скачкам, прекрасно знал, как обстоят дела между Филдингами и Аллардеками. Распорядителям в течение полувека приходилось разбирать пламенные обвинения отца Мейнарда в адрес моего деда и моего деда в адрес отца Мейнарда. Оба они были тренерами лошадей для гладких скачек в Ньюмаркете. Новым в этой старой вражде было лишь то, что теперь сила была на стороне Аллардека. Это, несомненно, очень забавляло всех – кроме меня.

– Ваши объяснения приняты к сведению, – сухо сообщил распорядитель и сказал мне, что я могу идти.

Я вышел, так и не взглянув в лицо Мейнاردу. Вот уже дважды за эти два дня мне удалось вырваться из его когтей, и мне не хотелось, чтобы он думал, будто я над ним насмехаюсь. Я почти бегом вернулся в раздевалку и едва успел сменить цвета принцессы на цвета другого владельца и взвеситься. В паддок перед началом следующей скачки я все равно опоздал (а за это тоже можно лишиться лицензии).

Я поспешно подбежал к маленькой группке с конем без жокея и увидел в каких-то тридцати футах от нее Анри Нантерра.

Глава 5

Он стоял в обществе других владельцев, тренера и жокея и смотрел в мою сторону, словно ждал меня.

Это, конечно, было неприятно, но мне пришлось отложить мысли о нем и отвечать на вопросы, которыми забрасывала меня чета тучных и исполненных энтузиазма супругов, чьи мечты я должен был оправдать в ближайшие десять минут. К тому же я надеялся, что принцесса на трибунах и под надежной охраной.

Мечта – кобылу действительно звали Мечта – не раз брала призы в гладких скачках, но в скачках с препятствиями участвовала впервые. Она оказалась очень резвой, что да, то да; но прыгать не умела совершенно. За первые три препятствия она угрожающе цеплялась копытами, а в четвертое угодила ногой. Тут мы и расстались. Перепуганная Мечта усакала, а я поднялся с травы, не особо пострадав, и принялся терпеливо ждать, когда меня подберет машина. Жокею приходится падать на каждый десятый-одиннадцатый раз, и в большинстве случаев отделяешься парой синяков. Травмы посерьезнее случаются раза два в год, и всегда неожиданно.

Я прошел врачебный осмотр – это обязательно положено после падения – и, переодеваясь к следующей скачке, заговорил с жокеем, который стоял вместе с Нантерром, – Джейми Фингаллом, давнишним моим коллегой.

– Тот француз с крючковатым носом? Ну да, хозяин его представил, но я как-то не обратил внимания. Он, кажется, держит лошадей во Франции, что-то в этом духе.

– Хм... Он разговаривал с твоим хозяином или с владельцами?

– С владельцами, но хозяин, похоже, пытался уговорить французика, чтобы он прислал одну из своих лошадей сюда.

– Ну, спасибо.

– Заходите еще!

Хозяин Джейми Фингалла, Бэзил Клаттер, держал конюшню в Ламборне, в миле от моего дома, но у меня не было времени разыскивать его перед следующей скачкой – трехмильным стипль-чезом. А после этого мне снова пришлось переодеваться и разыскивать в паддоке принцессу. Кинли уже ждал меня.

Принцессу, как и прежде, хорошо охраняли. Она, похоже, была этим довольна. Я не знал, стоит ли тревожить ее вестями о Нантерре. В конце концов я сказал только Томасу:

– Французишка здесь. Не отходи от нее.

Он жестом показал, что все понял, и принял решительный вид. А решительный вид Томаса способен устроить даже дикого гунна Аттилу.

Кинли вознаграждал меня за все сегодняшние неприятности, вознес мою душу из бездны к головокружительным высотам.

Связь между нами, установившаяся почти мгновенно еще во время его первой скачки в прошлом ноябре, настолько окрепла за последующие три выступления, что теперь, к февралю, он, казалось, заранее знал, чего я от него хочу, и я тоже заранее знал, что он собирается делать. Это было лучшее, что есть в скачках, – необъяснимый синтез на каком-то подсознательном уровне. Мы делили и радость быстроты, и восторг победы.

Кинли брал препятствия в таком неудержимом порыве, что в первый раз я чуть не вылетел из седла. И хотя с тех пор я знал, что сейчас будет, привыкнуть к этому я так и не смог и каждый раз заново переживал это радостное изумление. На первом препятствии я, как всегда, ахнул, а приближаясь к финишу, успел прикинуть, что мы обошли всех корпусов на двадцать. К финишу мы подошли небрежным легким галопом. Я надеялся, что Уайкем, который сейчас смотрит телевизор, порадует «хорошему выступлению» и простит мне

Каскада. «Даже Мейнард Аллардеку придраться не к чему!» – угрюмо подумал я, шагом возвращаясь туда, где расседлывают лошадей. И осознал, что Мейнард, Кинли и Нантерру наконец-то удалось отвлечь меня от мыслей о Боттичелли, Джорджоне, Тициане и Рафаэле.

Синие глаза принцессы сияли. Вид у нее был такой, словно пистолетов вообще не существует в природе. Я соскользнул на землю. Мы обменялись торжествующими улыбками, и я с трудом подавил желание обнять ее.

– Он готов к Челтенхему! – сказала она, похлопав перчаткой черный бок коня. – Он не хуже Сэра Кена!

Сэр Кен был звездой пятидесятых годов. Он выиграл три скачки Чемпионов и множество других престижных барьерных скачек. Владеть такой лошастью, как Сэр Кен, было пределом мечтаний для многих, и принцесса часто упоминала о нем.

– Ну, до этого еще далеко! – сказал я, расстегивая подпруги. – Он еще так молод...

– О да! – весело ответила принцесса. – Но...

И тут она ахнула и осеклась. Я взглянул на нее и увидел, что глаза ее расширились от ужаса. Взгляд ее был направлен куда-то мне за спину. Я резко развернулся.

У меня за спиной стоял Анри Нантерр и пристально смотрел на принцессу.

Я загородил ее собой. Томас и знакомые принцессы стояли позади нее и больше думали о том, чтобы разгорячившийся Кинли не лягнул их, чем о том, чтобы охранять свою подопечную. В конце концов, что может случиться здесь, в толпе?

Анри Нантерр мельком взглянул мне в лицо. Потом вздрогнул и уставился на меня, разинув рот от изумления.

Тогда, в паддоке, Нантерр смотрел на меня, и я подумал, что он меня узнал. Но сейчас я понял, что для него я был всего лишь жокеем принцессы. Похоже, он был ошеломлен, признав во мне вчерашнего наглеца.

– Вы... – сказал он – на этот раз его решительность ему изменила. – Вы...

– Да, это я, – ответил я. – Что вам надо?

Он встряхнулся, пришел в себя, прищурился и, глядя на принцессу, отчетливо произнес:

– С жокеем тоже может произойти несчастный случай...

– Как и с человеком, который носит с собой пистолет, – ответил я. – Вы за тем и явились, чтобы нам это сообщить? – Похоже было, что да, именно за этим он и явился. – Убирайтесь! – сказал я тем же тоном, что он мне накануне, в ложе. И, к моему полнейшему изумлению, он убрался.

– Эй! – возбужденно окликнул меня Томас. – Это... это и был... он?

– Он самый, – ответил я, забрасывая подпруги на седло. – Теперь вы знаете, как он выглядит.

– Мадам! – с раскаянием воскликнул Томас. – Откуда же он взялся?

– Я не видела, – ответила она слегка дрожащим голосом. – Просто взял и появился...

– Этот малый скользкий, как угорь, – заметил один из знакомых принцессы. В Нантерре и впрямь было что-то скользкое.

– Ну что ж, мои дорогие, – сказала принцесса с несколько деланным смехом, – пойдемте отпразднуем эту замечательную победу! Вы тоже приходите, Кит.

– Хорошо, принцесса.

Я взвесился и, поскольку эта скачка была для меня сегодня последней, переоделся в обычную одежду. Потом зашел в денники, где седлали лошадей, – Джейми сказал мне, что Бэзил Клаттер там, готовит свою лошадь к последней скачке.

Тренерам перед скачкой разговаривать некогда, но Бэзил все же неохотно ответил на пару вопросов, надевая груз, попону с номером и седло на спину своего беспокойного питомца.

– Француз? Да, Нантерр. Владеет лошадьми во Франции. Тренирует их Вийон. Какой-то предприниматель. Где остановился? А я откуда знаю? Спросите у Роквилей, он с ними пришел. Роквили? Слушайте, мне некогда. Позвоните мне сегодня вечером, ладно?

– Ладно, – со вздохом ответил я и оставил его вытирать губкой морду коня – лошадь должна появиться на публике чистенькой, как игрушечка. Бэзил Клаттер много работал и все время сутился. Он экономил на том, что сам выполнял работу, которую у нас делал Дасти: сам был за главного конюха при своих лошадях.

Я поднялся в ложу принцессы, выпил чаю с лимоном, заново обсудил с ней и ее знакомыми великолепную победу Кинли. Когда настало время уходить, принцесса спросила:

– Вы поедете со мной, не так ли? – словно я каждый день провожал ее домой, и я ответил:

– Да, конечно, – словно это и в самом деле было так.

Я забрал из своей машины, стоявшей на прежнем месте, сумку с вещами, которую возил на случай, если придется заночевать в гостях, и мы без особых приключений вернулись обратно на Итон-сквер. Я поднялся в «бамбуковую» комнату и позвонил Уайкему. Уайкем сказал, что вполне доволен Кинли, но что там с Хиллсборо? Дасти ему доложил, что конь пришел в самом хвосте и что распорядители вызвали меня «на ковер». Что это вдруг со мной такое, что я два дня подряд нарываюсь на неприятности?

Я подумал, как хорошо было бы придушить Дасти, и пересказал Уайкему все, что говорил распорядителям.

– Они приняли мои объяснения, – сказал я. – Просто одним из распорядителей был Мейнард Аллардек, а он вечно ко мне цепляется.

– А, ну да, конечно! – Уайкем здорово повеселел и даже хихикнул. – Букмекеры уже принимают ставки на то, как скоро ему удастся тебя выжить со скачек и удастся ли ему это вообще.

– Как смешно! – сказал я. Мне совсем не было смешно. – Если я понадоблюсь, я опять на Итон-сквер.

– Да? Ну, хорошо. Спокойной ночи, Кит.

– Спокойной ночи, Уайкем.

Потом я перезвонил Бэзилу Клаттеру. Тот дал мне номер Роквилей, и я позвонил им. Они как раз вернулись из Ньюбери.

Бернар Роквиль сказал, что, к сожалению, не знает, где остановился Анри Нантерр. Да, он с ним знаком, но не очень хорошо. Он встречался с ним в Париже на скачках в Лонгшаме, и Нантерр возобновил знакомство здесь, в Ньюбери, пригласив его с женой выпить. А зачем он нужен мне?

Я сказал, что надеюсь найти Нантерра, пока он еще в Англии. Бернар Роквиль еще раз выразил сожаление, что ничем не может мне помочь, и на том мы простились.

«След оборвался», – покорно подумал я, вешая трубку. Может быть, полиции повезет больше. Хотя вряд ли полиция так уж горячо ринется искать человека, чтобы погрозить ему пальчиком за то, что он показал пистолет какой-то иностранной принцессе.

Я спустился вниз, в гостиную, и за рюмкой бренди обсудил с принцессой сегодняшний провал Хиллсборо. Потом мы с нею и Роланом де Бреску пообедали втроем в столовой. Нам прислуживал Даусон. И за время обеда я подумал о флорентийском банкете там, на севере, не больше двадцати раз.

Только после десяти, перед тем как пожелать мне спокойной ночи, принцесса заговорила о Нантерре.

– Он сказал, что с жокеем тоже может произойти несчастный случай...

– Да, конечно. Такое бывает нередко.

– Он ведь не это имел в виду...

– Возможно.

– Если с вами из-за меня что-то случится, я себе этого никогда не прошу!

– Именно на это он и рассчитывает. Но я готов рискнуть – так же, как и Томас.

А про себя я подумал, что, если ее муж не сломался сразу, увидев, как ей приставили к виску пистолет, вряд ли он сдастся ради кого-то из нас.

– С кем-то из тех, кто мне дорог или работает на меня... – повторила она и содрогнулась.

– Ерунда. Ничего он не сделает! – ободряюще сказал я.

Принцесса тихо ответила, что надеется на это, и ушла спать.

Я снова обошел большой дом, проверяя замки и раздумывая, чего я еще не предусмотрел.

Наутро оказалось, что кое-чего я действительно не предусмотрел.

В семь часов, когда зажужжал внутренний телефон, я уже проснулся. Даусон сонным голосом попросил меня подойти к городскому телефону, потому что мне звонят. Я взял трубку и услышал голос Уайкема.

Конюшня по воскресеньям просыпается рано, как и в другие дни. Я привык к ранним звонкам Уайкема – он всегда вставал в пять. Однако сегодня голос у него был такой встревоженный, каким я его еще никогда не слышал. Поначалу я принял даже мучительно сообщать, что такого я мог натворить во сне.

– Ты... ты понял, что я с-сказал? – Он даже заикался от волнения. – Две! Д-две лошади п-принцессы! М-мертвые!

– Две?! – Я резко выпрямился и похолодел. – Как? То есть... которые?

– Они лежат мертвые у себя в денниках. Уже окоченели. Должно быть, прошло несколько часов...

– Которые? – со страхом повторил я.

На том конце провода ответили не сразу. Уайкем и в лучшие времена плохо помнил клички лошадей, и сейчас, должно быть, у него в голове прокручивался длинный список героев былых времен.

– Те две, что участвовали в скачках в пятницу, – сказал он наконец.

Я онемел.

– Эй, ты слушаешь? – окликнул он.

– Д-да... Вы имеете в виду... Каскад и Котопакси?

«Нет, – подумал я, – этого не может быть. Это неправда. Только не Котопакси! И перед самым Большим национальным!»

– Каскад, – сказал он. – И Котопакси.

– О нет... Что с ними? – спросил я.

– Я позвал ветеринара, – сказал Уайкем. – Из постели вытащил. Сам не знаю как. Это его работа. Но две! Я понимаю, одна могла сдохнуть. Бывает. Но чтобы две!.. Скажи принцессе, Кит.

– Это ваша работа! – возразил я.

– Нет-нет. Ты уж там... Расскажи ей. Лучше так, чем по телефону. Они ведь для нее все равно как дети.

«Те, кто ей дорог...» Господи Иисусе!

– А Кинли? – настойчиво спросил я.

– Чего?

– Кинли... ну, тот, что вчера пришел первым.

– А, этот! Этот в порядке. Мы всех лошадей проверили, когда нашли тех двух. У них ведь денники рядом были, ты, наверно, помнишь... Скажи принцессе, Кит, ладно? Нам ведь их убрать надо. Пусть она решит, что делать с тушами. Хотя если они отравленные...

– Вы думаете, их отравили? – спросил я.

– Не знаю. Скажи ей, Кит! – Он с треском швырнул трубку, и я отошел от телефона, готовый взорваться от бессильного гнева.

Убивать лошадей! Если бы Анри Нантерр сейчас был здесь, я затолкал бы его пластиковый пистолет ему в глотку! Каскад и Котопакси... Я ведь их знал много лет! Я оплакивал их, словно друзей.

Даусон согласился попросить свою жену разбудить принцессу и сказать, что я должен сообщить ей печальные новости о ее лошадях и буду ждать ее в гостинной. Я оделся и спустился вниз. Принцесса, встревоженная, вскоре вышла.

– Что случилось? – спросила она. – С кем?

Когда я сказал, ее ужас сменился мрачными раздумьями.

– Он не мог этого сделать! – воскликнула она. – Вы ведь не думаете, что...

– Если это он, – сказал я, – то он об этом пожалеет.

Она решила, что нам следует немедленно поехать на конюшню к Уайкему. Я пытался ее отговорить, но она настаивала на своем.

– Нет-нет, я должна поехать. Бедный Уайкем! Он нуждается в поддержке и утешении. Мне будет не по себе, если я не поеду.

Сама она нуждалась в утешении куда больше Уайкема... Но, как бы то ни было, в половине девятого мы были уже в дороге. Принцесса успела накрасить губы. Томас лишился выходного, но, казалось, не возражал. Я предложил повести машину сам, но мое предложение было с негодованием отвергнуто.

Конюшня Уайкема, в часе езды от Лондона, была расположена рядом с небольшой деревенькой на склонах суссекских холмов. Это был большой комплекс строений, беспорядочно расширявшийся и достраивавшийся в течение целого столетия. Владельцам здесь очень нравилось, потому что конюшня представляла собой целый лабиринт маленьких дворишков, по восемь-десять денников в каждом, с кустами остролиста в красных кадках. Для работников этот живописный лабиринт означал много лишней беготни и уйму потерянного времени.

Лошади принцессы стояли в пяти дворах, попеременно с другими. Уайкем, как и многие тренеры, предпочитал ставить лошадей одного владельца не всех вместе, а рядом с чужими. И Каскад с Котопакси были единственными принадлежавшими принцессе лошадьми, которые стояли во дворе, ближайшем к въезду.

Мы остановились у дома Харлоу и пошли пешком к арке, ведущей в соседний дворик. Услышав, что мы приехали, Уайкем вышел нам навстречу.

«Постарел он за эту неделю», – с беспокойством подумал я, глядя, как он шаловливо целует ручку принцессе. Он всегда делал вид, что флиртует с ней, сверкая глазами и демонстрируя остатки бывшего мощного обаяния. Но в это утро он был рассеян. Когда он снял шляпу, его седые волосы разметались на ветру. Худые старческие руки дрожали.

– Дорогой мой Уайкем! – встревоженно воскликнула принцесса. – Вы же простудитесь!

– Идемте в дом, – сказал он, направляясь в ту сторону. – Так оно лучше будет.

Принцесса заколебалась.

– А мои бедные лошадки еще здесь?

Уайкем кивнул с несчастным видом.

– У них там ветеринар.

– Тогда я, пожалуй, пойду посмотреть на них, – просто сказала она и решительно направилась во двор. Мы с Уайкемом потащились следом, даже не пытаясь ее отговорить.

Двери двух денников были открыты. Внутри горели слабые электрические лампочки, хотя снаружи было совсем светло. Все прочие денники были заперты.

– Мы оставили других лошадей в денниках, – говорил Уайкем. – Они вроде бы не беспокоятся, потому что крови нет... лошади крови боятся, знаете ли...

Принцесса слушала вполуха. Подходя к денникам, где на темно-коричневой торфяной подстилке лежали ее лошади, она замедлила шаг. Их тела выглядели бесформенными грудами.

Когда лошади погибли, они были в ночных пополах, но то ли ветеринар, то ли Уайкем, то ли конюхи сняли их и положили к стене. Мы молча смотрели на темную блестящую шкуру Каскада, на гнедого, словно припорошенного снегом, Котопакси...

Робин Кертис, долговязый ветеринар с мальчишеской физиономией, иногда встречался с принцессой. Со мной он виделся гораздо чаще. На нем был зеленый комбинезон. Он кивнул нам и извинился, что не может пожать руку – ему сперва надо помыться.

Принцесса ответила на приветствие и сразу довольно хладнокровно спросила:

– Пожалуйста, скажите... как они умерли?

Робин взглянул на Уайкема, на меня и, поскольку мы не возражали, посмотрел на принцессу и сказал ей прямо:

– Их пристрелили, мэм. Они даже ничего и понять не успели. Их убил человек, мэм. Из пистолета.

Глава 6

Каскад лежал наискосок поперек денника, головой к двери. Голова его находилась в тени. Робин Кертис шагнул на торфяную подстилку, наклонился и приподнял черную челку лошади.

– Его плохо видно, мэм, потому что лошадь черная, но вот тут, прямо под челкой, есть пятно.

Он выпрямился, вытер руки платком.

– Сразу и не заметишь, – сказал он. – Особенно если не знать, что искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.